

16+

Отпусти
МЕНЯ

НАТАЛЬЯ ШАГАЕВА

Наталья Шагаева
Отпусти меня
Серия «Отпусти», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67950123

SelfPub; 2022

Аннотация

Он бездушная машина, ему чужды жалость и сострадание. Он не отпустит меня. всего лишь инструмент в его руках. Он считает меня своей собственностью. Мне, дура, казалось, что все, что между нами происходило по любви, но оказалось все иначе. Мои ожидания – это мои иллюзии, и моего будущего мужа они трогают.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	40
Глава 6	48
Глава 7	54
Глава 8	61
Глава 9	67
Глава 10	73
Глава 11	81
Глава 12	88
Глава 13	97
Глава 14	103
Глава 15	112
Глава 16	120
Глава 17	127
Глава 18	137
Глава 19	145
Глава 20	153
Глава 21	162

Наталья Шагаева

Отпусти меня

Пролог

Прохожу в здание автовокзала и бегу к кассам, ничего не замечая на своем пути. Очередь. Останавливаюсь, оглядываюсь, дышу. Холодно. Обнимаю себя руками. Рядом стоящая женщина с огромной клетчатой сумкой внаглую рассматривает меня, даже не думая отвести взгляд. А посмотреть есть на что – я словно инородный предмет в этом здании. На мне жутко неудобное вечернее платье, которое сдавливает грудь, немного порванное по шву на разрезе. Одергиваю его, пытаюсь прикрыть ноги. Жутко неудобные туфли заляпаны грязью, прическа растрепалась, косметика размазана, оттого что я пыталась избавиться от застилающих глаза слез. Да и, в общем, одета не по погоде. Осень. Но я об этом не думала, когда бежала от дьявола, который решил, что я его игрушка, кукла, с которой можно играть в недетские игры.

Отворачиваюсь, хочется слиться с серой стеной, хочется провалиться сквозь землю, хочется, наконец, проснуться и понять, что весь этот кошмар – неправда. Но реальность жестока.

– Девушка! – меня окрикает грубый женский голос.

Прихожу в себя и только тогда понимаю, что подошла моя очередь.

– Мне билет на ближайший рейс до Обнинска.

– На пять утра есть.

– На пять? – я не могу провести на вокзале еще семь часов.

– Ну извините, автобусы не ходят по вашему желанию, – фыркает женщина. – Билет будете брать? – Киваю, вынимая из сумочки деньги. Руки дрожат, мятые купюры рассыпаются на пол вместе с мелочью, какой-то мужчина из очереди кидается мне помогать, впихивая деньги мне в руки.

– Спасибо, – благодарю, а сама замечаю, как он пялится на мои ноги в чулках в разъехавшемся разрезе платья. Глаза у него сальные, похотливые – противно. Нет в нашей реальности добрых и бескорыстных людей. А раньше мне, ду-ре, казалось, что есть. Но розовые очки разбились вдребезги на мелкие осколки, разъедая глаза. Мужчина прячет одну из купюр себе в карман, думая, что я не замечаю. Бог с ним, пусть берет, лишь бы отошел от меня подальше.

– Дайте мне, пожалуйста, билет, – высыпаю кассирше деньги.

– Паспорт? – спрашивает она.

– У меня нет... – сглатываю. – То есть я забыла. Я думала, на автобус не нужно.

– На межгород нужно. Без паспорта не продам билет.

– Женщина, ну, может, можно как-то... – никогда этого не делала, мне всегда было стыдно давать взятки. А сейчас

уже все равно. Хуже не будет. Мне нужно срочно вырваться домой, пока он меня не нашел. Если поймают, то вернуться назад больше шанса уже не будет.

– Ну что вы, девушка... уберите! – категорично отмахивается женщина, посматривая куда-то вверх. Камера.

– Не берёте билет, так отойдите, – отпихивает меня какая-то бабушка. Отхожу, в растерянности сажусь на лавочку, запихивая деньги назад в сумку. Зависаю, рассматривая серую стену. Без паспорта меня нигде не возьмут. Была надежда только на автобус. Вернуться за документами не могу – думаю, меня уже ищут. Я вообще не могу появиться на улице. Накрывает паникой от беспомощности.

Мамочка.

Страшно.

Холодно.

И противно от самой себя.

Боже, какая я дура.

Как не заметила в этом мужчине безжалостного, расчетливого зверя? Ах да, меня, дуру, это и покорило, только я предпочитала называть то чувство, другими словами.

– Девушка! Девушка! – прихожу в себя и вижу перед собой кассиршу с сигаретами в руках. Моргаю. – Пошли покурим, – как подруге предлагает она мне.

– Я не курю, – отворачиваюсь.

– Пошли-пошли, – тянет меня за руку. Соппротивляюсь, пытаюсь вырваться. – Да пошли ты, дура, я помогу тебе, –

шепчет мне. Подхватываю сумку и бегу за ней.

Место для курения рядом с туалетом. Здесь пахнет мочой, и еще холоднее. Меня знобит, зуб на зуб не попадает. Определенно, заболею. Но это потом... Это можно пережить...

– Деньги давай, – просит женщина. Выгибаю брови. Я хоть и в отчаянье, но не могу потерять последние деньги. Маме звонить не буду, ее сердце не выдержит правды. – Я посажу тебя на автобус, договорюсь с водителем.

– Правда? А меня не высадят?

– Не высадят, – отмахивается она. Сомневаюсь. Молчу. Но других вариантов нет. – Да не ссы ты. Не первая такая. Я честно работаю.

Да уж, честно мимо кассы.

Вынимаю из сумки деньги и протягиваю ей. Забирает, пересчитывает и прячет во внутренний карман.

– В общем так, как объявят твой рейс, иди к месту посадки, я тебя посажу.

– Хорошо, спасибо, – киваю, смотря, как она тушит сигарету о край урны и выкидывает окурки.

Женщина уходит. А я оглядываюсь. Недалеко пара круглосуточных магазинов. Покупаю в одном из них спортивный костюм. Самый дешёвый, китайский, от которого пахнет краской, и кроссовки. Но мне все равно. Накидываю капюшон, немного согреваясь. Беру в аппарате стаканчик горячего кофе, пью. Невкусно. Как быстро я привыкла к хорошему и стала ценить качественные напитки. Это он меня приучил,

приручил и только потом показал истинное лицо.

Ненавижу. Так же люто, как боюсь.

Обнимаю, прижимаю к себе сумку, устраиваясь удобно в зале ожидания. Еще долго. Но выхода у меня нет. Возможно, это единственное место, где меня не будут искать. Натягиваю капюшон толстовки пониже. Жду. Через полчаса ожидания паника отступает, и накатывает усталость. Спать нельзя. Да и страшно мне здесь засыпать. Выплюсь в автобусе. Но тело не слушается, и я начинаю клевать носом.

Оставшееся время проходит мучительно. Выключаюсь, но каждые несколько минут вздрагиваю, прижимая к себе сумку. Оглядываюсь. Я боюсь не окружающих, а того, что за мной придут.

Тело ватное, голова пульсирует от боли, и першит в горле. Нос закладывает, мышцы тянет. Я все-таки заболеваю. Но это не страшно. Это можно пережить.

Наконец, объявляют мой рейс, и я иду на платформу. Накрывает паникой, когда люди заполняют салон, а кассирши, которая обещала меня посадить, нет. Кидаюсь в здание, но выдыхаю, когда женщина появляется.

Меня, и правда, сажают в самый конец автобуса, не спрашивая документов. Только когда мы выезжаем из города, я позволяю себе окончательно расслабиться и уснуть. Мне снится Калинин. Он злится. Нет, просто в ярости. Смотрит на меня сверху вниз, прожигая стальным взглядом. Он ничего не говорит. Мне достаточно лишь взгляда, надменного

выражения лица, чтобы превратиться в маленькую, никчёмную мышку.

Просыпаюсь от того, что меня кидает вперед от резкого торможения автобуса. Моргаю, не понимая, что происходит. Водитель ругается матом, пассажиры смотрят в окна.

Вжимаюсь в кресло, когда понимаю, что это за мной.

В автобус входят двое мужчин. Узнаю одного из них. Мирон. Начальник безопасности Романа. Нет, это его тень. Все важные дела решает он. Натягиваю капюшон и отворачиваюсь к окну, когда понимаю, что мужчины меня не замечают. Водитель ругается, но ему быстро закрывают рот. Какая-то бабуля начинает возмущаться незапланированной остановке, но никто не обращает на нее внимания.

Чем ближе ко мне Мирон, тем сильнее колотится мое сердце. Нет ни единого шанса, что меня не узнают. Этот ищейка учует меня по запаху.

Мамочки.

Зажмуриваясь, когда он подходит совсем рядом, рассматривает пассажиров. Мне осталось надеяться только на чудо. Но чудес не бывает. С меня сдергивают капюшон, и сердце вообще прекращает биться. На секунды мы замираем. Сглаживаю.

– Елизавета Сергеевна, – мужчина протягивает мне руку. А я не могу сдвинуться с места. – Поверьте, я не хочу быть грубым. Не вынуждайте. Был дан приказ найти и привезти вас домой любой ценой. Давайте сделаем это безболезненно.

Глава 1

Найти работу в мегаполисе не так просто.

«Наши курсы гарантируют вам трудоустройство» – обещали они. По факту, мест на всех не хватило. Точнее, хватило только тем, кто согласился лечь под директора компании. Я не из их числа. Уж лучше вернуться в родное захолустье и торговать вместе с мамой на рынке, чем получить работу таким способом. Но пока не сдаюсь, а заодно испытываю себя на прочность.

И вот я на пороге очередной компании. Огромное здание из тёмного стекла. Даже страшно заходить. Вряд ли меня возьмут. Но кто не рискует... Штат здесь большой, и, может быть, им нужна неопытная сотрудница. В конце концов, где-то же нужно набираться этого опыта.

Вдох-выдох, проверяю наличие документов, роюсь в своей папке и никак не могу найти резюме.

Блин.

Я не могла его забыть. Вынимаю все содержимое. Неудобно делать это на парковке, положив сумку на чью-то дорогую машину. Холодно. Осень в этом году ранняя, порывы ветра уносят несколько листов с ксерокопиями документов, и я замечаю, как среди них кружит резюме. Зажмуриваюсь, когда понимаю, что мои бумаги летят в лужу. Открываю глаза и выдыхаю. Документы падают рядом на сухой асфальт. При-

саживаюсь, чтобы их собрать, тяну руку, но мужская нога в идеально начищенной туфле внаглую наступает на мое резюме. Задыхаюсь от возмущения. Тяну бумагу, но она рвется под тяжестью ноги.

Сжимаю губы, медленно веду глазами по идеально отглаженным брюкам и полам распахнутого черного пальто. Кожаный ремень, пиджак, белоснежная рубашка, распахнутый ворот. «Ему пошел бы строгий галстук», – почему-то возникает в моей голове.

Боже, Лиза, о чем ты думаешь?

Этот мужчина стоит на твоём резюме и даже не замечает, что творится у него под ногами. Он разговаривает по телефону. Не злится, но тон настолько холодный, что даже у меня идут мурашки по коже. Легкая небритость на волевых скулах. Но это часть стиля, как и идеальная стрижка, часы на руке и черные кожаные перчатки.

– Денис Сергеевич, – усмехается, но иронично, я бы сказала, снисходительно. – Если эти бумаги не будут подписаны, завтра я прекращу нуждаться в ваших услугах, – разворачивается в сторону здания, окончательно губя мое резюме. Не велика потеря, если не учитывать, что резюме мне очень необходимо прямо сейчас, и, пока я найду, где его распечатать, на то место возьмут кого-то другого.

Меня вдруг охватывают злость и обида.

– Простите! – раздражённо привлекаю к себе внимание. Мужчина отрывается от разговора и опускает на меня серые

глаза, словно только что заметил. Выгибает брови, смотря сверху вниз. Он высокий, где-то метр девяносто, а снизу вообще кажется великаном. Давит на меня холодным взглядом, не понимая, что я от него хочу. – Вы наступили, – дёргаю чертов лист, и он окончательно рвётся. Мужчина отступает, продолжая разговаривать по телефону. Собираю остальные бумагами, засовываю их в пластиковую папку, поднимаюсь на ноги и одёргиваю строгую юбку. – Ничего страшного, не нужно извинений, – недовольно ворчу в сторону мужчины.

– Что? – вновь оборачивается ко мне. Смотрит так, словно видит надоедливую муху. Я рядом с ним, и правда, мышка. Он выше меня на две головы, плечи широкие, и безграничная власть в жёстком взгляде, словно делает великое одолжение.

– Ничего, – огрызаюсь и направляюсь к входу. Двери здесь крутящиеся, всегда таких боялась. Верка говорит, это колхоз. А я все равно боюсь. Да и не претендую на городского жителя. Медлю, пропуская пару оборотов. В следующий вступаю, торопясь к стеклянной стенке, чтобы быстрее выйти. Дверь останавливается, перекрывая вход.

– Отступите на шаг назад, – слышу позади себя уже знакомый низкий надменный голос. Оборачиваюсь. Мужчина с парковки. – Отступите, – недовольно проговаривает он. Делаю так, как он говорит, и дверь приходит в движение. Выскакиваю с этой чертовой карусели. Теряюсь посреди большого холла.

– Роман Константинович, – с мужчиной здороваются охранник на входе, чуть ли не кланяясь ему в ноги. Тот просто кивает и уходит к лифту.

Подхожу к информационной стойке, ожидаю, когда девушка наговорится по телефону. Время идет, я опаздываю. А мне хотелось бы здесь работать. Неважно кем. Это полный соцпакет, опыт в большой компании и достойная зарплата. Верка уверена, что меня не возьмут, но, если не испытывать удачу, ничего не получится.

– Доброе утро, – девушка за стойкой наконец-то обращает на меня внимание. – Чем могу помочь? – натягивает улыбку.

– Доброе утро. Мне назначена встреча. Насчет работы.

Улыбка с ее лица спадает.

– Это вам в отдел кадров, – уже скучающим тоном говорит она. Третий этаж, левое крыло, кабинет сорок восемь. Разденьтесь в гардеробе.

– Хорошо. Спасибо.

Раздеваюсь. Поправляю юбку, бежевую блузку, волосы и иду к лифту. Новые ботильоны немного жмут. Это Веркины, у меня не оказалось подходящей обуви. Вхожу в лифт вместе с женщиной лет тридцати. Высокая, худощавая, в строгом бардовом платье, с планшетом в руках. Она не обращает на меня внимания, и я рассматриваю ее. Теперь понятно, о чем говорила Вера. Дорогих женщин видно невооружённым глазом. Вроде платье как платье, без излишеств, туфли, из украшений только маленькие серёжки и часы на тонком

браслете, но от нее просто веет деньгами. Представляю, что она думает обо мне с моими вещами с рынка и дешёвым дезодорантом из супермаркета. Хотя я себе льщу. Она обо мне не думает. Выхожу на нужном этаже. Нахожу кабинет, стучу. Накрывает волнением, ладошки потеют. Господи, Господи, пожалуйста... Мне нужна эта работа.

– Доброе утро. Я насчет работы.

– Вы записывались? – спрашивает у меня молодой мужчина, не отрываясь от компьютера.

– Да.

– Фамилия?

– Максимова.

– Проходите, садитесь. Документы мне на стол.

Киваю. Выкладываю ксерокопии и оригиналы. Резюме нет. Мужчина долго не обращает на меня внимания, что-то печатая. Желудок урчит, немного сдавливая. Зря я выпила кофе на голодный желудок.

– Итак... – мужчина берет мои документы, изучая. – Елизавета Сергеевна... На какую должность вы претендуете?

– Я закончила экономический колледж. Экономика и бухгалтерский учёт. Но готова на любую должность. Поскольку опыта у меня нет.

– Ясно. Резюме, – требовательно тянет руку.

– Извините. Я забыла его дома, – не рассказывать же ему о том, что на него наступили на парковке.

– Забыли, – задумчиво повторяет мужчина. – Плохое ка-

чество для бухгалтера.

– Если нужно, я привезу вам его через полчаса. Или, может, мне подруга скинет в электронном виде на телефон, – начинаю тараторить. Мужчина поднимает руку, призывая меня замолчать, что-то листая в своем компьютере. Захлопываю рот, кусая губы.

– В принципе это не так важно для должности, которую я хочу вам предложить. – Выдыхаю. Он хочет мне что-то предложить – уже хорошо. Незаметно обтираю ладошки об юбку. Ужасная привычка. – Встаньте, пожалуйста, – просит меня мужчина. Поднимаюсь. – Расправьте плечи, держите осанку. – Выпрямляюсь, не понимая, чего он от меня не хочет. – Улыбнитесь. – Растягиваю губы. – Нет, не так. Искренне, словно очень рады меня видеть, Лизонька. – Мне совершенно не нравится, как он ко мне обращается. Улыбаюсь. – Замечательно. А теперь скажите: «Добрый день, рады приветствовать вас в нашей компании».

– Зачем?

– Просто скажите четко и с улыбкой.

– Добрый день, рады приветствовать вас в нашей компании, – повторяю я.

– Чётче и громче.

– Добрый день! Рады приветствовать вас в нашей компании!

– Хорошо, Лиза. Могу предложить вам место на ресепшене, – говорит он и утыкается в монитор.

– Это не совсем то, чем бы я хотела заниматься. Я бы хотела по профессии... – осмеливаюсь, потому что накрывает разочарованием. Мне по профессии нужно. И работа в этой компании многое мне дала бы. Ресепшен, к сожалению, не считается.

– Я хочу на Гоа, а не вот это все, – усмехается, переводя на меня взгляд. – Но, к сожалению, наши желания не совпадают с нашими возможностями. – Если согласны, оставляйте копии документов. Если нет, выход знаете где, Лизонька.

Ненавижу, когда меня так называют. Думаю, осматривая кабинет.

– Но, возможно, в бухгалтерии обводятся места, а вы будете на виду... – это подкупает.

– Может так случиться?

– Может.

– Хорошо, я согласна.

Глава 2

– Меня зовут Ирина. Это наше рабочее место. Будем работать два через два, – поясняет мне девушка на ресепшн. Ты теперь моя коллега.

Мой первый рабочий день. Сегодня вместе с Ириной. Что-то типа стажировки.

– Мы приходим раньше всех и уходим тоже, – усмехается она. – Дело не сложное: улыбайся, будь вежлива и доброжелательна. Всех принимаешь, как дорогих гостей, – усмехается. – Сегодня тебе придется выучить расположение компании и, главное, имена начальников отделов. Но у меня есть подсказка, – указывает на большой журнал. – Здесь все расписано. Через месяц он тебе не понадобится. Будешь знать всех наизусть. Наша задача – помочь посетителям найти нужный кабинет. Иногда предупредить о визите. В общем-то, это не так сложно.

– Хорошо, – киваю. Все не так плохо. Для ресепшена зарплата нормальная. График даёт возможность подработать. Ну и я надеюсь попасть либо в бухгалтерию, либо в экономический отдел.

– А вот каблук – это плохая идея. Ноги к вечеру отнимутся.

– Ты высокая, тебе проще, а я без них потеряюсь за стойкой.

С первого взгляда Ира показалась мне пустой или, как говорит моя подруга, «гламурной телкой». Но внешность обманчива. Она веселая, доброжелательная и очень красивая девушка. Высокая, ухоженная. А еще она болтушка. Мне показалось, что у нее роман с архитектором. Он так смотрел на нее, когда подходил к нам, а она смущалась. Мужчина так мило интересовался ее здоровьем. Но спрашивать Иру я ни о чем не стала, да и не мое это дело.

Ира рассказывает мне о каждом входящем сотруднике, и я поражаюсь, как можно запомнить столько людей. Она не просто называет имена и должности, а рассказывает некоторые подробности. Глава архитектурного отдела женат, но спит со своей секретаршей. У главного бухгалтера сын наркоман. И тут я понимаю, что мы похожи на старых консьержек. Смешно.

– Ну что ты смеёшься? Надо же как-то делать свою работу веселее, – слегка меня толкает плечом.

– Калинин, – шикает на нас охранник на входе. Ирка расправляет спину и, словно солдат, встает по стойке смирно. Я не понимаю, что происходит, но делаю так же, как она. Через пару минут в крутящиеся двери входит тот самый мужчина, который вчера растоптал мое резюме.

Высокий, статный, на широких плечах чёрное пальто нараспашку. Взгляд такой же надменный, как и вчера, на всех смотрит свысока и оценивающе, будто сканирует. Рядом с ним женщина, с которой я вчера ехала в лифте, на ней бе-

лоснежное пальто и черные перчатки, тоже высокая, с идеальной осанкой. Они словно люди на несколько уровней выше, от которых веет властью и превосходством. О чем-то беседуют, направляясь к лифту. Сглатываю, когда женщина неожиданно взмахивает рукой в нашу сторону. Мужчина на секунду останавливается, оборачивается и внимательно осматривает Иру, а потом меня. Взгляд у него холодный, словно неживой. Мороз проносится по коже. Кажется, я даже не дышу. Выдыхаю, только когда они скрываются в лифте. Ира тоже заметно расслабляется.

– Кто это был?

– Ну ты даешь, начальство нужно знать в лицо. Это Роман Калинин, Глава компании и главный акционер. Его кабинет на последнем этаже. Если к нему приходят, ты не имеешь права говорить, где его кабинет и как туда попасть. Даешь телефон его приёмной и все.

– Понятно. А женщина?

– Валерия Владимировна. Правая рука Калинина, к ней тоже никого не пускаешь.

– Только через приемную, – повторяю я.

– Молодец, быстро схватываешь, – усмехается Ира. – Наконец-то я уйду на выходной. После увольнения Алены я уже почти неделю без выходных.

День проходит быстро. С Ирой не соскучишься. Она веселая. На обед её забирает тот самый архитектор. Привлекательный и солидный мужчина. Как выясняется, они и правда

встречаются. Красивая пара. Я даже немного завидую. По-доброму.

Мне, как любой девушке, тоже хочется чего-то подобного. Я никогда не увлекалась ровесниками. Нет, в колледже появлялись поклонники, но как-то не до них было. Я пробовала. Ходила на пару свиданий, посещала вечеринки, но все время чувствовала себя неуместно. Мне было некомфортно в обществе ровесников. Непонятная музыка, сплошная нецензурная лексика, алкоголь. Да и каждый парень при встрече тут же собирался залезть в трусы. Моим ровесникам девушка нужна в первую очередь для секса. Это главная составляющая отношений. Верка говорит, что это нормально. Если нет физики и химии, любовь неполноценна, полагает подруга. А я равнодушна.

Нет, мне нравятся мужчины, но гораздо старше. Они серьезнее, надежнее, опытнее, и почему-то кажется, что они умеют ухаживать за женщиной. Но это только мои предположения. В жизни же у меня не было ни парней, ни мужчин. Наверное, это некая фобия или комплексы. Не могу никого близко подпустить. Я слишком закрыта для мужчин. Надо быть раскованнее и проще.

К вечеру, и правда, гудят ноги. Ира была права: каблуки – не самая удобная обувь, особенно если приходится стоять весь день. Выходя на улицу, единственное, о чем я мечтаю, это снять чёртову обувь, принять теплую ванну и упасть в кровать. Но не все так просто. Иру забирает архитектор, уво-

зя домой на белом внедорожнике, а мне – идти пешком до станции и потом ехать на метро. Я люблю прогулки на воздухе, но не когда отваливаются ноги. На такси денег нет. То есть если я сейчас потрачусь, то завтра не пообедаю.

Глубоко вдыхаю прохладный осенний воздух и шагаю вперед через парковку. Молюсь о том, чтобы не пошел дождь. Зонт не взяла.

Я видела эту огромную черную машину неизвестной мне марки. Ее сложно не заметить. Новенькая, сверкающая, агрессивная, со странным значком ангела на капоте или человека с крыльями. Но я даже не могла подумать, что она резко двинется в мою сторону.

Толчок... Металл врезается в живот, а я лечу на асфальт. Приземляюсь на пятую точку, подставляю локти, чтобы не удариться головой. Больно, в глазах темнеет. Непроизвольно брызжут слезы. Но самое обидное, что я перепачкала бежевую куртку и, похоже, разорвала на локтях, а другой у меня нет. Сажу на асфальте посреди парковки и смотрю, как содержимое моей сумки катится по бетону.

Из машины выскакивает водитель. Парень лет двадцати пяти. Кидается ко мне, начиная поднимать. Дёргает за большую руку, постоянно извиняясь. Такой растерянный. Удар был не сильный, но все равно больно, хотя больше обидно. Кое-как встаю, шмыгая носом и зачем-то пытаюсь отряхнуть юбку грязными руками. Пассажирская дверца машины открывается, и я теряю дар речи, прекращая плакать. Калинин.

Мужчина внимательно меня осматривает, переводит взгляд на сумку и разлетевшуюся косметику. Сводит брови и глубоко вдыхает, словно мы все ему надоели.

– Собери вещи, – в приказном тоне велит водителю, указывая на мою сумку. – Валерия, пересядь на переднее сидение, – голос у него немного сиплый и низкий, словно простужен. С другой стороны выходит блондинка – как сказала Ира, его правая рука. Женщина осматривает меня строгим взглядом и пересаживается вперед.

– С вами все в порядке? Скорая нужна? – интересуется мужчина и делает пару шагов в мою сторону. Если бы я не была в ступоре, то отступила бы. Его близость напрягает. Вроде бы я ни в чем не виновата, но чувствую себя провинившейся – такой эффект производит на меня этот мужчина.

– Нет, – отрицательно качая головой, но, похоже, Калинину недостаточно моего слова. Медленно скользит серым стальным взглядом по моим ногам, телу и останавливается на глазах. Долго смотрит, словно заглядывает в самую душу, а я покрываюсь мурашками. Неприятное ощущение. Чувствую себя мышкой, попавшейся в лапы хищника.

– Имя?

– Что?

– Твое имя? – повторяет он.

– Лиза.

Водитель тянет мне сумку, хватаю ее и прижимаю к себе. Пятая точка ноет, локти тоже, куртка порвана и испачкана.

Холодно. И почему-то очень страшно. Хочется убежать. Как можно дальше. Слезы опять начинают литься сами собой. Я устала, все болит, а этот мужчина давит на меня.

– Садитесь, Елизавета, – открывает для меня двери машины. – Я отвезу вас домой.

Мотаю головой. Я не хочу ехать с ними.

– Садитесь, – настойчиво повторяет он, а я отступаю. Но меня бесцеремонно хватают за руку и буквально вталкивают в машину.

Глава 3

Несмотря на то, что я нахожусь в комфортабельном салоне, наверное, очень дорогого автомобиля, мне неуютно. Хочется сбежать. Салон из бежевой кожи и дерева. Никогда не видела столько пространства в машине. Напротив Калинина сверху висит небольшой монитор, на котором мелькают какие-то графики и таблицы, выдвижной столик с бумагами. Это не машина, а рабочий кабинет. Пахнет кожей и холодным парфюмом с нотками эвкалипта и озона, как перед дождем. Я забываю о боли, находясь в ступоре. Даже дышу с трудом. Близость Калинина давит. Очень тяжёлая аура, которую я не выдерживаю. Для меня этот человек на несколько уровней выше. Так высоко, что не дотянуться никогда. От него веет властью, большими деньгами и опасностью.

– Адрес?

– Что? – я в ступоре, голос сипнет.

– Где вы живете, Елизавета? – обращается ко мне на «вы», но таким холодным тоном, что по коже идут неприятные мурашки.

– Можно просто высадить меня у метро, – еще тише прошу я, дар речи пропадает.

– Просто назовите адрес, – по-прежнему холоден, но в голосе проскальзывают нотки раздражения.

– Астраханская, девять, – быстро выпаливаю я, стараясь

не смотреть на мужчину.

– Сергей, – обращается к водителю.

– Я понял, – без разъяснений схватывает парень.

В зеркале заднего вида замечаю, как меня внимательно рассматривает женщина. Становится неудобно, и я вжимаюсь в кресло.

– Как вы себя чувствуете, Елизавета? – спрашивает мужчина и тянет мне маленькую бутылку воды. Беру, кивая в знак благодарности, в горле, и правда, все пересохло.

– Нормально, – от страха перед этим мужчиной у меня уже ничего не болит.

– Вы сотрудница нашей компании?

– Да, я первый день работала на ресепшнере, – решаю, что некрасиво и неэтично не смотреть на главу компании при беседе. Поворачиваюсь, стараясь выдержать его стальной взгляд.

– Возьмите несколько выходных за счет компании, – мужчина, вынимает из кожаного бумажника несколько крупных купюр и протягивает мне, а я не спешу их брать, там сумма моей заработной платы. – Это за причиненный ущерб. Берите! – тон приказной, невозможно послушаться.

И я беру деньги, чувствуя, как меня начинает потряхивать. «Это стресс», – уговариваю себя.

– Валерия, дай визитку, – тоже в приказном тоне. Женщина протягивает мне темно-синюю глянцевую карточку. – Если станет плохо, позвоните Валерии Владимировне, она

все решит.

– Хорошо, спасибо, – киваю, тяну из его пальцев визитку, но он не отпускает. Несколько секунд осматривает меня, блуждая взглядом по моему телу, и разжимает пальцы. Сглатываю, запивая ком водой. Ладони опять вспотели, и я сжимаю в руках ткань юбки. Отворачиваюсь к окну, рассматривая дорогу. Мы уже близко к моему дому, и сердце немного успокаивается. Дальше едем в тишине, слышу только шуршание бумаг и собственное тяжёлое дыхание.

Когда мы заезжаем во двор спального района, меня почти отпускает, и я начинаю чувствовать тело. Бедра болят, локти тоже, голова немного пульсирует, но все не так страшно.

– Роман, – к нам оборачивается женщина и оценивающе меня осматривает, словно только сейчас обратила на меня внимание. – Я полагаю, это она, – не знаю, о чем она говорит, но становится не по себе. Калинин ничего ей не отвечает, тоже переводит на меня взгляд и рассматривает.

– Какой подъезд? – спрашивает водитель.

– Третий, – отвечаю, ежась от всеобщего внимания. Машина останавливается, водитель выскакивает вперед и обходит машину, но я открываю дверь раньше него, буквально вылетаю из машины. Оборачиваюсь, понимая, что веду себя как ненормальная. – Спасибо.

– Надеюсь, с вами будет все хорошо, Елизавета, – спокойно и безэмоционально приносит Калинин, прежде чем водитель закрывает дверь. Хватаю холодный воздух, будто и во-

все не дышала.

Сдвигаюсь с места, только когда машина скрывается в арке.

– Ого! – слышу удивленный голос подруги и оборачиваюсь. Вера подходит ко мне с пакетом из супермаркета. – Ты в первый же день умудрилась подцепить кого-то на тачке стоимостью, как пять наших квартир, – усмехается она.

– Меня подвез Глава компании, – поясняю я, но ее глаза становятся только шире. Сумерки, и подруга пока не замечает моей грязной куртки и разодранных локтей.

– Глава компании... – задумчиво повторяет она. – Нет, ты, конечно, красотка, но чтобы сразу охмурить...

– Что ты несешь?! – перебиваю ее. Не до шуток. – Меня сбила его машина, и он довез меня домой. Все! – иду к подъезду, нервно роясь в сумке и отыскивая ключи. Вера вытаскивает свои и открывает подъездную дверь.

– Сбила машина?!

– Не кричи, – шепчу я. – Все нормально.

Подруга пропускает меня в подъезд.

– Так, давай все сначала, – Вера ставит пакет с продуктами на тумбу и запирает дверь. Сажусь на пуфик в прихожей и, морщась, стягиваю с себя ненавистные тесные ботильоны. – Лиза! – подруга призывает меня начать говорить. А мне ничего не хочется. – Лиз, с тобой все нормально? Может, скорую?

– Да все не так страшно, как кажется, – отмахиваюсь я, но

в горле по-прежнему стоит ком, и хочется рыдать. Это просто усталость и стресс. – Был очень трудный день, – поднимаюсь, снимаю куртку, с сожалением понимая, что она пришла в негодность. Заплатки на локтях не поставишь. Бреду в ванную, чтобы снять с себя грязную юбку. Верка за мной. – Дай мне пять минут, и я все расскажу, – закрываю перед ее носом дверь. Снимаю с себя блузку, грязную юбку, колготки и кидаю все в стирку. Рассматриваю локти, синяки, копчик ноет, немного размазана тушь, выгляжу как мышь. Неудивительно, что Калинин смотрел на меня, как на оборванку.

Умываюсь, тщательно мою грязные руки, всхлипывая от резких движений. Только со мной могло все это переключиться в первый рабочий день.

Надеваю банный халат, укутываюсь в него, быстро моргаю, чтобы не разрыдаться, и выхожу из ванной. Верка крутится на кухне, раскладывая продукты в холодильник. Беру свою кружку, кидаю в нее пакетик чая, ложку сахара и заливаю кипятком. Сажусь за стол, медленно размешивая сахар.

– Голодная? – спрашивает Вера, ставит на стол доску и нарезает колбасу.

– Нет, не очень, – грею руки об чашку.

– Но есть все равно будешь, – строго заявляет Вера, приступая нарезать сыр. Она у меня такая. Мы ровесницы, с первого курса вместе. Хоть и разные по характеру, но у нас много общего. У обеих нет отцов, обе из маленьких городков и вместе испытываем удачу в этом огромном мегаполисе, ко-

торый ломает людей пачками. Пережёвывает и выплёвывает. Верка как мамочка, без нее я пропала бы. Она бойкая, с характером и самый родной мне человек в этом городе. – А ты рассказывай, – взмахивает ножом, призывая меня говорить.

– Да все хорошо, – вздыхаю я. – Работа несложная. Ноги только гудят. Но можно привыкнуть. Компания огромная, там столько отделов. Работаю говорящей куклой, – невесело усмехаюсь.

– Это все лирика. Как тебя сбили? – Вера берет тарелку, выкладывая на нее нарезанный батон, сверху укладывает колбасу, помидоры, посыпая сыром, и ставит все в микроволновку.

– Да не знаю я, как это вышло. Задумалась на стоянке и не заметила выезжающую машину Калинина.

– Это он тебя не заметил. Прекрати везде искать свою вину! – Вера делает себе кофе покрепче. Она работает ночью за компьютером, а днём высыпается. Порой мне кажется, что она перепутала день и ночь. Это плохо, но Вера нетрудоспособна днем. – Думают, если ездят на дорогих тачках, то можно давить людей? – возмущается она, размешивая свой кофе.

– Это не Калинин, а его водитель. Парнишка молодой. Он был так растерян и напуган.

– Началось. Святой Елизавете всех жалко, кроме себя, – отмахивается Вера.

– Да все хорошо, немного болят локти и попа, – усмехаюсь. – Я просто устала.

– Ясно, – Вера опускает взгляд на свою чашку, продолжая мешать кофе, который давно растворился. Микроволновка пиликает, подруга подскакивает и ставит на стол тарелку с бутербродами. – За квартиру завтра платить... – невесело сообщает она. – А я получу деньги только через неделю, если постараюсь. Да и их не хватит. Эта старая карга не будет ждать. Она с утра приходила, счетчики смотреть, и намекнула мне, что у нее очередь на эту халупу стоит. Не знаю, что делать. У тебя нельзя взять аванс?

– Да какой аванс? У меня первый день стажировки. Да и строго все там...

– Да, я понимаю. Это я так сказала... Придётся брать микрокредит возле метро под аховые проценты.

Вот так мы живём от квартплаты до квартплаты, экономя на еде и одежде, надеясь на светлое будущее. Я поэтому и в институт после колледжа не пошла. Везде нужны деньги, которых нет. Надеялась на заочное. Но пока не срастается...

– Стой, не нужен никакой кредит. Деньги есть, – вспоминаю о деньгах, которые мне дал Калинин. Соскакиваю с места, иду в прихожую, достаю деньги из кармана. Много. Тут на квартиру и ещё остается. А мне очень не хочется тратить их. Возникает ощущение, будто меня купили. Но выхода у нас нет. Приношу деньги, кладу их на стол. – Вот.

– Воу, ты где так разбогатела?

– Это Калинин дал. За моральный ущерб.

– Щедро он оценил ущерб, – присвистывает она, пересчи-

тывая купюры. – Хотя для него это копейки, у каждого свои меры и величины. С тобой точно все хорошо? Может, в больницу?

– Да успокойся ты. Завтра выплусь, куртку себе куплю. Послезавтра на работу выйду. От синяков ещё никто не умирал.

Роман

– В данный момент эта девушка – самая подходящая кандидатура, – воодушевленно заявляет Валерия. Открываю папку, изучая фото Елизаветы.

– Чем подходящая? Внешностью серой мышки? – изучаю девушку. Ничего особенного.

– И этим тоже, – нервно выдаёт Валерия. Молодая средне-статистическая мышка из рабоче-крестьянской семьи. Отец погиб, мать – педагог в сельской школе. Отличница. Честно работает, зарабатывая на учебу. Ни одного порочащего факта в биографии. То, что надо.

Дышу, окидывая фото девушки. Тру лицо руками, по-сматривая на часы.

– И что я буду делать с этой сельской мышкой? – невесело усмехаюсь. Устал. Только нянчиться с девчонкой мне не хватало. – По ней же видно, что она не сможет сыграть так, как нам нужно.

– А не надо ей ничего играть, – усмехается Валерия. – Очаруй ее, чтобы все выглядело правдоподобно.

– Смешно, – резко отталкиваюсь от стола, встаю с места,

подхожу к окну и смотрю на ночной город. – Я уже не помню, как это делается. Не было нужды, да и нет на это времени.

– Сплошной цинизм и никакой романтики. Мне всегда нравились в тебе эти качества. Но ради цели придется постараться. Она молода, невинна, неопытна, неискушённая. Не составит труда сделать так, чтобы она заглядывала тебе в рот.

– Я ведь потом ее сломаю.

– Тебя это волнует?

– Нет.

Глава 4

– Какого черта часы заменили на электронные?! – смотрю на стену напротив моего рабочего стола и вижу что-то вроде проекции времени. Может, кого-то и впечатлит, а меня раздражает.

– Что не так с часами? – Валерия поднимает глаза на стену. – По-моему очень гармонично вписываются в интерьер твоего кабинета. Ну и оправдывает новые направления и новаций нашей компании, – так пафосно заявляет она. Раздражает. Кидаю ручку на стол, отъезжаю немного назад, срывая с себя чёртову удавку. Ненавижу галстуки. Деловой завтрак с японцами обязывал его надеть.

– Ты можешь забрать их себе и вписать эти «новации» в свой кабинет. Мне повесьте нормальные механические, – нет, я не повышаю голос, но раздражён тем, что за несколько лет Валерия так и не выучила мои предпочтения. Она должна понимать меня с одного взгляда. С полуслова. Выглядит как дрессировка собаки? Да! Как бы цинично это ни звучало. Меня должны окружать профессионалы.

– Хорошо, – сдержанно кивает Валерия, вновь утыкаясь в бумаги. Скольжу взглядом по ее чёрной туфле на шпильке, по ногам, обтянутым бежевым капроном, бедрам в строгой юбке. Что-то не так. Мне не нравится ее блузка. Ей не идет. Делает ее цвет лица бледнее.

– И блузку эту выкинь, – вновь двигаюсь к столу, включая компьютер.

– А с блузкой что не так? – скептически выгибает брови.

– Что не так? Встань! – откидывает бумаги, поднимается с места и подходит ко мне. Поднимаюсь, встаю вплотную, хватаю ее блузку на груди и в два рывка разрываю к чертовой матери. – Она порвана.

Сажусь назад за стол, открывая вкладки на мониторе.

– Мерзавец, – смеется Валерия, снимая с себя остатки блузки. Набирает номер своей помощницы, прося ее принести белую блузку.

Да, мы любовники. Почему именно Валерия? Все просто. Мне так удобно. Она всегда рядом, после секса мы можем обсудить дела. Вот такая удобная помощница. Очень грамотная, квалифицированная, с двумя высшими образованиями. Всегда под рукой и для работы, и для удовлетворения. Цинично? Да. Но весь мир строится на циниках и их законах. Чувство сострадания, любовь, жертвенность, милосердие только мешают. Самые лучшие врачи и правители – циники. Это защитная реакция от чужой боли, сострадания и людских бед. Я мыслю более рационально и сохраняю холодный рассудок.

Валерия берет со стола папку и кидает мне на стол.

– В данный момент эта девушка – самая подходящая кандидатура, – воодушевленно заявляет она. Открываю папку, изучая фото Елизаветы.

– Чем подходящая? Внешностью серой мышки? – изучаю девушку. Ничего особенного. Она двух слов связать не может. Мышка с огромными, полными страха глазами.

– И этим тоже, – нервно выдаёт Валерия. – Молодая среднестатистическая мышка из рабоче-крестьянской семьи. Отец погиб, мать – педагог в сельской школе. Отличница. Честно работает, зарабатывая на учебу. Ни одного порочащего факта в биографии. То, что надо.

Откидываю биографию девушки. Тру лицо руками, поглядывая на часы.

– И что я буду делать с этой сельской спортсменкой-комсомолкой? – невесело усмехаюсь. Устал. Только нянчиться с девчонкой мне не хватало. – По ней же видно, что она не сможет сыграть так, как нам нужно.

– А не надо ей ничего играть, – усмехается Валерия. – Очаруй ее, чтобы все выглядело правдоподобно.

– Смешно, – резко отталкиваюсь от стола, встаю с места, подхожу к окну и смотрю на город. – Я уже не помню, как это делается. Не было нужды, да и нет на это времени.

– Сплошной цинизм и никакой романтики. Мне всегда нравились в тебе эти качества. Но ради цели придется постараться. Она молода, невинна, неопытна, неискушённая. Не составит труда сделать так, чтобы она заглядывала тебе в рот.

– Я ведь потом ее сломаю. У таких обычно тонкая душевная организация. Что априори не про меня.

– Тебя это волнует?

– Нет. Я подумую, – отодвигаю от себя папку. Маленькие мышки при встрече с хищником обычно не выживают. Хотя думать нечего. Валерия права. Если хочу правдоподобную легенду и чистую репутацию, моя псевдоневеста должна верить, что все это правда. Самая лучшая иллюзии – та, в которую вы верите сами.

Секретарша Виктории приносит ей блузку, стараясь не поднимать взгляд, и быстро убегает. В моей компании все принимают меня за тирана, а я не спешу развеивать эти слухи. Страх – движущая сила, которая несет за собой жесткую дисциплину.

– Не спеши одеваться, – говорю я и поднимаюсь с места. Валерия замирает, но через пару секунд до нее доходит, чего я хочу. – Ляг грудью на стол.

Валерия исполнительна и идеальна во всем. Не медлит, не задаёт вопросов, исполняет. Для меня это самая идеальная модель отношений. Не требуется тратить свое время и силы на ненужные ухаживания, растрачивая энергию на чувства и прочую романтическую чушь. И я очень ценю то, что Валерия разделяет мои предпочтения. Она карьеристка, и у неё тоже на все это ни времени, ни эмоций, ни желания. Идеальная правая рука и любовница в моем циничном мире.

Подхожу к Валерии, медленно снимаю пиджак, рассматривая ее. Не торопясь, закатываю рукава рубашки, наслаждаясь ее томлением. Селектор пиликает, и раздается голос моей секретарши:

– Роман Константинович, Марина на связи, говорит, это срочно.

– Соединяй!

Отхожу к столу, снимаю трубку. Это единственная женщина в моей жизни, которую я никогда не проигнорирую. Валерия начинает подниматься со стола. Ее раздражает, когда нас прерывает Марина. Но она достаточно умна, чтобы скрывать этот факт.

– Лежать! – велю ей, и она тут же прижимается щекой к столу. – Я слушаю, Марина. Что-то случилось? – голос сам по себе становится мягче...

Лиза

Все обошлось. Синяки не считаются. Вместо куртки я купила себе пальто. Строгое, бежевое, приталенное с поясом. Всегда такое хотела. Это была моя маленькая мечта. Мне вообще для счастья много не надо. Я могу получать удовольствие от вкусного мороженого или от новой кофточки. Несмотря на то, что моя семья не богата, я никогда никому не завидовала. Я равнодушна к украшениям. Мне достаточно маленьких серебряных «гвоздиков» в ушах. Остальные украшения мне мешают. Никогда не хотела шубу. Не понимаю, чем так привлекает женщин мех ни в чем не повинных животных. Однажды нашей соседке муж подарил белую шубу, так она разве что мусор в ней не выносила. И вот в один из зимних вечеров шубу с нее сняли в тёмном переулке. Хорошо хоть ей вреда не причинили, кроме страха и истерики

ничего не произошло.

– Слава богу, ты вышла. Я думала, болезнь – это предлог больше не работать. Думала, тебе не понравилось, – говорит мне Ира. Ей очень хочется на выходной. Она и правда устала.

– Ну что я, маленькая, что ли, чтобы сбегать, ссылаясь на плохое самочувствие.

– Вроде выглядишь здоровой.

– Меня машина сбила, – естественно, я не рассказываю, какая именно машина. Ира округляет глаза. – Да ничего страшного, как видишь. Так, пара синяков.

Ира усмехается, внимательнее меня осматривая. А потом резко выпрямляется, прекращая улыбаться. Оглядываюсь и вижу Калинина, идущего к нам. Тоже расправляю плечи, чувствуя, как сердце сбивается с ритма. И чем ближе он к нам, тем сильнее потеют ладошки.

– Добрый день Роман Константинович, – выпаливает Ира. Калинин сдержанно ей кивает и задерживает свой взгляд на мне. И мне становится так неуютно под его стальным взглядом.

– Как вы себя чувствуете, Елизавета? – несмотря на то, что у мужчины доброжелательный и мягкий тон, глаза у него холодные до мурашек. Зачем он спрашивает? Я не хочу, чтобы об этом кто-то знал. Не хочу привлекать внимание.

– Спасибо, все хорошо, – выходит нервно, но я стараюсь держать себя в руках. Ира переводит на меня взгляд, но быстро скрывает свое недоумение.

– Вы обедали?

– Нет, – теряюсь еще больше.

– Тогда собирайтесь, расскажите мне о своём самочувствии за обедом в ресторане напротив.

И тут мне хочется провалиться сквозь землю. Я не хочу обедать с этим мужчиной, но не знаю, как отказать главе компании.

Глава 5

Я никогда не была в таких заведениях, где салат стоит как недельный запас еды. Нет, все лаконично, со вкусом: бежевые стены, расписанные серебром, столики, удобные кресла с высокими спинками. Панорамные окна на город, белоснежные скатерти и неспешно обедающие люди. Мне неуютно в этом месте, но больше мне не дает расслабиться Калинин. Я отчаянно не понимаю, к чему тот обед. Он извинился деньгами, поинтересовался моим здоровьем, и этого достаточно.

Калинин отодвигает мне кресло, помогая сесть, и только потом садится сам. Мне жутко неудобно, я не знаю, куда смотреть, что говорить и куда деть руки. Хочется сбежать как ребенку. Дышу, пытаюсь взять себя в руки.

К нам тут же подходит молодой парень-официант и предлагает меню. У меня и так не было аппетита, а после того, как я вижу цены, в горле встаёт ком. Нет, я все понимаю. Приличное заведение, хорошая кухня, обслуживание. Но не может стоять стейк как пять килограммов мяса. Официант стоит над нами, ожидая заказа.

– Елизавета. Вы выбрали?

– Я не голодна. Можно мне просто латте? – обращаюсь к официанту. Парнишка кивает, записывая мой заказ в свой блокнот. Калинин несколько секунд изучающе смотрит на

меня, а потом опускает глаза в меню.

– Мы будем тунца под вашим фирменным соусом и теплый салат с белыми грибами, девушке – кофе, мне – просто воды без газа, – заказывает мужчина, не смею возразить, сглатывая ком в горле.

– Можно мне тоже воды вместо кофе? – прошу я, официант быстро кивает и покидает нас. Мы сидим друг напротив друга, очень трудно избежать внимания мужчины. Он абсолютно спокоен и расслаблен, рассматривает меня, откинувшись в кресле.

– Очень рад, что вы хорошо себя чувствуете, Елизавета.

– Спасибо, все хорошо, – невпопад отвечаю я и все-таки перевожусь взгляд на окно, не выдерживая тяжёлого взгляда мужчины.

– Почему вы выбрали работу на ресепшене, а не по профессии? – интересуется Калинин.

– Потому что мест в экономическом отделе не нашлось, – поясняю я.

– Приму к сведению, – усмехается мужчина. И тут до меня доходит, что я не говорила ему о своей профессии. Поднял мои данные? Слишком много внимания к девушке на ресепшене. Нам приносят воду, и я спешу сделать глоток, чтобы утолить жажду.

– Расслабьтесь, Елизавета, – снисходительно произносит мужчина. – Это всего лишь обед.

Для него может быть «всего лишь обед», а для меня – как

экзамен, к которому я не готова. Я правда пытаюсь расслабиться и улыбнуться. В конце концов, это всего лишь мужчина. Да, намного старше по возрасту и по уровню, но я отчаянно не понимаю, для чего нам нужен этот обед.

– Давай перейдём на «ты», думаю, это придаст тебе немного уверенности.

– Конечно, вы можете обращаться ко мне на «ты». А я так не могу.

– Отчего же? – ухмыляется, забавно ему. – Слишком стар для тебя? Разве возраст – это граница?

– Возраст, может, и нет, но субординацию никто не отменял.

– Субординация уместна на рабочем месте. А при личном общении только мешает.

Я чувствую, как вспыхивают мои щеки. Не хочу этого «личного» общения, но сказать такое в глаза мужчине не могу. Меня спасает официант, который ставит перед нами салат и приборы. Восхитительный запах грибов вызывает аппетит, но как есть в присутствии Калинина, я не знаю.

Калинин приступает к еде, а я снова пью воду и смотрю в окно. Там Ира выходит под руку с архитектором, тоже направляясь на обед, но в кафетерий гораздо скромнее. Она так светится рядом с этим мужчиной. Хорошая пара.

– Не любишь грибы? – мужчина привлекает к себе внимание, и мне приходится повернуться.

– Люблю. Просто... Я на диете, – говорю первое попавше-

еся, что приходит в голову.

– По здоровью?

– Нет...

– Тогда не страшно, – усмехается мужчина. – Тебе не нужно худеть. Да и блюдо нетяжёлое. Попробуй, тебе понравится, – его голос заметно теплеет, но почему-то не покидает ощущение, что мужчина пытается играть несвойственную ему роль. Беру вилку, пробую. Глупо продолжать отказываться. Действительно вкусно. Пробую еще. Очень вкусно. – Вижу, тебе нравится.

– Правда, вкусно.

– Расскажи мне о себе, – вдруг просит он.

– Что рассказать?

– Все, что хочешь, – непринужденно просит он.

– Меня зовут Максимова Елизавета. Мне двадцать лет.

Проживала в Обнинске, училась здесь.

– Нет, стой, – усмехается. – У нас не собеседование.

– А что вы хотите знать?

– Например, чем ты увлекаешься, как твой парень относится к твоей работе.

– У меня нет парня.

– Хорошо, – кивает.

Вообще-то ничего хорошего, но я молчу.

– Увлечение? В детстве занималась гимнастикой, потом перешла в современную хореографию. С приездом сюда все время занимала учеба. Люблю читать.

– Что последнее ты прочла?

Нам приносят рыбу. Никогда не ела тунца в свежем виде.

Только консервы.

– «Сто лет одиночества».

– Маркес? Интересный выбор для молодой девушки.

– А что должны читать молодые девушки? – я немного расслабляюсь и даже искренне улыбаюсь.

– Любовные романы.

Молчу. Романы тоже читаю, я в литературе всеядна.

– Твои впечатления о книге?

– Мне кажется, стиль автора уникален, неповторимый мистический реализм. Сначала было немного сложно, но потом я увлеклась.

Калинин ухмыляется, явно не разделяя мое мнение.

– Произведение своеобразное. Думаю, что критики его высоко оценили по причине того, что он описал реальные события угнетения рабочих на плантациях, когда эта тема была под запретом. Но сцены, связанные с войной, неправдоподобны. Остальное... – не договаривает, улыбаясь одними губами.

Я не согласна. Но не решаюсь спорить. Просто киваю и утыкаюсь в тарелку.

– Почему ты не доказываешь свою точку зрения? Мы же всего лишь беседуем. Ты же явно не разделяешь мое мнение, – с каким-то блеском в глазах спрашивает он меня.

– Я предпочитаю не спорить с мужчинами.

– Хорошее качество для девушки, – всматривается мне в глаза, и я зависаю. Нет, его взгляд не стал теплее, наоборот, сделался очень холодным и тяжёлым, как металл, но было в нем что-то такое, что не позволяло отвернуться. Дыхание сбивается. Я не могу назвать Калинина красивым мужчиной. Он... статный, мужественный, но холодный, непроницаемый. Нордические черты лица.

Он сам меня отпускает, переводя взгляд на официанта, заказывая нам кофе. Мне – латте, себе – американо. Калинину кто-то звонит, он, извиняясь, отходит к бару.

Кофе приносят быстро. В красивой большой чашке с рисунком кленового листа на пенке. Отпиваю глоток – вкусно. Наверное, это самый вкусный латте, который я пила. Не знаю, в чем секрет, просто наслаждаюсь напитком, а сама думаю, что скажу Ире, когда вернусь. Ведь она начнет задавать вопросы. А я не хочу, чтобы меня обсуждала вся компания, я вообще не люблю всеобщего внимания к себе.

Не знаю, как так выходит, но чашка соскальзывает и переворачивается. Кофе заливает мои юбку и блузку. Горячо, но я быстро соскакиваю, стряхивая горячий напиток. Немного жжет, но это не страшно по сравнению с моим стыдом. Я залила белую скатерть, себя и бархатную обивку бежевого кресла, на меня все оглядываются, включая Калинина. Хочется провалиться сквозь землю или зарыдать от собственной неуклюжести и стыда.

Ко мне подлетает официант и, вместо того, чтобы сокру-

шаться над испорченной мебелью, спрашивает, насколько сильно я обожглась, протягивает льняную салфетку и предлагает проводить в дамскую комнату.

– Все в порядке? – позади меня раздается голос Калинина.

– Извините, – пишу я и быстро убегаю в туалет. Запираюсь там и с каким-то остервенением пытаюсь оттереть пятно, но оно расплзается еще больше. Боже, какая я дура. Ну как так? Кожа на ногах горит, я вся заляпана и почти рыдаю.

Мою руки и не понимаю, как после всего этого мне вернуться назад. Я так перенервничала за этим чертовым обедом, что разлитый кофе мне кажется трагедией. Но я взрослый человек, и прятаться глупо.

Выхожу из туалета. Наш стол уже убран, скатерть и кресло заменены. Калинин ждет меня в баре. Он молча указывает рукой на выход, помогает надеть в гардеробе пальто и галантно открывает дверь.

– Простите, – еще раз пишу на улице.

– Тебе не за что извиняться. Ничего страшного не произошло. Прекрати бледнеть, – вроде подбадривает, а голос холодный. Мне становится холодно. Холоднее, чем есть на самом деле.

Нужно срочно позвонить Ире и попросить принести сменную одежду. Не успеваю сделать шаг вперед, как перед нами останавливается черная машина Калинина.

– Еще раз извините. Спасибо за обед, – хочу обойти машину, чтобы вернуться на рабочее место, но мужчина хва-

тает меня за руку.

– Я отвезу тебя домой. А завтра выйдешь на работу в бухгалтерию, – безэмоционально сообщает он мне и открывает дверь.

И тут мне становится страшно. Ни один мужчина просто так все это делать для девушки не будет... А значит, придется расплачиваться. Завтра я не вернусь на эту работу.

Глава 6

Елизавета

– О, а ты почему не на работе? – спрашивает сонная Вера, проходя на кухню. На часах уже полдень. Она опять вчера работала до четырех утра.

– Чайник только закипел, я купила кофе и свежие слойки с яблоками, – указываю на стол, где стоит тарелка выпечки и банка растворимого кофе.

– Слойки, – Верка берет одну и с удовольствием откусывает. – Прощай, фигура, – усмехается она, косясь на ноутбук, в котором я ищу новую работу. Может, большинство бы и воспользовались шансом и расположением начальника, а я не готова. За все придется расплачиваться... Калинин не похож на сердобольного мецената.

– Ничего страшного, иногда можно.

– Тебе легко, ты не склонна к полноте. Сколько тебя помню, всегда стройная. А мне стоит понюхать что-то сладкое – уже плюс килограмм в боках, – говорит она, продолжая жевать слойку и делая себе кофе.

– Не преувеличивай. Ты хорошо выглядишь. Ну, и округлые бедра сейчас в моде.

– Округлые, а не жирные, – смеется Вера. На самом деле она слишком критична к себе. Фигура у нее как песочные часы. Вера красавица. Я вообще завидую ее пышной груди.

Ее троечка не сравнится с моими «малышками». Но мы, как истинные девочки, хотим то, чего у нас нет. Она завидует мне, я – ей. Но по-доброму, конечно. Так и живем. – Так, и почему ты не на работе? – интересуется она, садясь на ку-хонный диванчик и отпивая кофе.

– Я больше туда не пойду, – пролистываю вакансии и хму-рюсь от того, что везде нужен опыт.

– Чего это? Что-то случилось? – ее вчера не было, когда меня снова привез домой Калинин.

– Случилось, – вздыхаю. Вера внимательно смотрит, ожи-дая продолжения. Рассказываю ей все, что случилось вчера. Подруга долго молчит, переваривая.

– А с чего ты взяла, что он имеет на тебя виды?

– Ты не понимаешь? Взрослый состоявшийся мужчина ре-шил просто так пообедать и продвинуть по карьерной лест-нице девушку с периферии, которая плачет над порванными колготками?

– Ммм... В том-то и дело. Что такие мужики встречают-ся совершенно с другими женщинами. Ошибочно полагать, что состоятельные мужики хотят таких, как мы. Делать им нечего. Им моделей подавай или актрис.

– Вот именно, Вера, встречаются. А меня он, видимо, за-хотел продвинуть через постель.

– А может, это банальное чувство вины? Его машина тебя сбила. Он статусный мен, не хочет портить репутацию и ре-шил этим самым закрыть тебе рот.

– Да, это смешно. Он откупился деньгами. Сомневаюсь, что Калинин вообще парится по этому поводу. Ты бы видела, как он на меня смотрел за обедом. Не могу объяснить, но я чувствую, что все это не просто так. Не хочу! – закрываю лицо руками.

– Хорошо, я поняла. Не хочешь, значит, есть причины. Я так понимаю, ты ищешь новую работу?

Киваю. Верка вздыхает и тыкается в свой телефон.

«Опыт работы не менее одного года», – читаю очередное предложение. Кто бы еще рассказал, где взять этот опыт.

В дверь кто-то звонит, и Верка идет открывать. Через минуты слышу голос Димы. Это наш сосед, ему двадцать семь лет, и он воспитывает двухлетнюю дочь один. Его жена погибла. Тяжёлые роды, осложнения, реанимация... Мне искренне жаль Диму. Хороший, добрый мужчина, очень любящий свою дочь. Я плакала, когда узнала, что он назвал дочь именем жены. Он не совсем один, ему помогает мать, но она часто болеет.

– Привет, – Димка заходит на кухню с Анечкой на руках. Очень милая девочка: спокойная, улыбчивая, развитая. Дима старается.

– Выручайте, девочки, – просит он. – Меня на работу вызвали. Срочно. – Посидите с моей хулиганкой пару часиков?

Вера уже достаёт печеньки и угощает Анечку. Дима отпускает дочь на пол, и та бежит ко мне, чтобы в следующий момент обнять меня за ногу. Мы дружим. Когда я не рабо-

таю, то остаюсь с ней. Мне не в тягость. Нравится возиться с детьми. Я даже хотела поступать в педагогический, но мама отговорила, ссылаясь на то, что воспитателям и учителям мало платят и никаких перспектив. Как будто сейчас у меня есть эти перспективы.

– Да, конечно, мы погуляем, – отодвигаю от себя ноутбук. Мне нужна передышка.

– Спасибо вам, хорошие девочки, – выдыхает Дима. И отпускает на стол ключи от своей квартиры. – Одежда, коляска, игрушки и еда для Нютки на своих местах. А с меня торт.

– От тортиков у нас растёт попа, – заявляет Вера, заигрывая с Димой. Он ей нравится. Когда мы приехали, Верка слюной захлебываясь, наблюдала за ним из окна. Дмитрий завидный жених. Своя квартира, машина, хорошая работа, ну и внешность. Он харизматичный, высокий спортивный шатен. В прошлом мастер спорта по плаванию. Плечи у него – это что-то запретное... Но, к сожалению, Дима закрыт для отношений – еще не отпустила утрата жены. Его мама по секрету рассказала мне, что он безумно ее любил.

– Все нормально у вас с попами, – усмехается Дима. – Привезу тогда вам фрукты и соки.

Вера идет провожать Диму, а я веду Нютку в комнату, вручая ей забытую игрушку, и быстро одеваюсь. Хочется подышать свежим воздухом и подумать, что делать дальше. Я столько надежд возлагала на компанию Калинина, но все рухнуло.

Забегаю в квартиру Димы, одеваю девочку, усаживаю ее в коляску и спускаюсь вниз. Благо в нашей девятиэтажке есть лифт.

Сегодня тепло. Ветерок немного прохладный, но мы с Анечкой тепло одеты, да и солнце радует. Доезжаем до детской площадки, выгружаем игрушки в песочницу и начинаем с Ньютой строить замки. Время летит незаметно. Качели, карусели, горки – девочка таскает меня по всей площадке. Нам весело. В своих розовых мечтах я всегда представляла, что у меня тоже будет дочь.

Анечка меня утомила, я сажусь на лавочку, а она собирает камушки и складывает мне на колени. И ведь не выкинешь, девочка за этим строго следит.

– Добрый день, – вздрагиваю от неожиданности, когда за моей спиной раздаётся голос Калинина. Я не верю своим ушам, по коже пробегаются мурашки...

Оборачиваюсь и вижу возвышающегося надо мной мужчину. На парковке возле нашего подъезда стоит его черная машина. Она как инородный предмет в нашем дворе среди простеньких автомобилей. Возле неё уже крутятся местные мальчишки, внимательно осматривая. Я теряю дар речи. Зачем он приехал?

Мужчина медленно обходит лавочку и садится рядом со мной. Сглатываю, не находя слов. Он, как всегда, идеальный, в чёрном пальто нараспашку, костюме и голубой рубашке. Его часы переливаются на солнце, и я даже боюсь предста-

вить, сколько они стоят. Он вполне расслаблен, вальяжно располагается на лавочке, как будто каждый день здесь сидит со мной. Наблюдаю за Аней, которая продолжает таскать мне камушки и опасно поглядывает на Калинина. Мужчина не смотрит на меня, он тоже наблюдает за девочкой. Как всегда, безэмоциональный.

– Чей ребенок? – в голосе безразличие.

– Мой, – отвечаю я. Может, это его оттолкнет.

– Ммм, – усмехается. – Может, еще и муж есть?

– Есть, – кусаю губы. Лгать я не умею. Но надеюсь, что Калинин этого не заметит.

– Я многое могу терпеть, мириться с недостатками и к чему-то относиться снисходительно, Елизавета. Но терпеть не могу, когда мне лгут, – холодно заявляет он, даже не взглянув на меня.

– Я просто в анкете не указала, что замужем, у нас гражданский брак, – продолжаю нести чушь.

– Елизавета, – поворачивается ко мне, – не нужно меня разочаровывать.

– Да откуда вы про меня все знаете? – уже нервно спрашиваю я.

– Я знаю о тебе больше, чем кто-либо. Не могу позволить впускать в свою жизнь непроверенных людей – не люблю сюрпризов.

Глава 7

Елизавета

– Как ваша жизнь связана со мной? – отчаянно не понимаю я. Калинин молчит, лишь снисходительно усмехается, словно я сказала глупость.

Мужчина оглядывается на машину, из которой выходит водитель с большим букетом цветов. И чем ближе к нам парень, тем сильнее я сжимаюсь. Водитель отдает букет Калинину и тут же ретируется.

– Этот букет, как знак моего восхищения тобой, – произносит он и вручает мне цветы. Беру их и не знаю, куда деться.

Приятно.

Правда, приятно внимание взрослого мужчины. Особенно от мужчины на несколько уровней выше меня. Но и страшно.

– Спасибо, – букет невероятно красивый. Огромные голубые гортензии и розовые пионы – очень нежное сочетание. Цветы такие свежие, не удерживаюсь и сую в них свой нос, вдыхая запах – такое необычное сочетание ароматов. Поднимаю голову, чувствую на себе взгляд Калинина. Глаза у него словно грозовое небо, такие насыщено серые, а мелкие и еле заметные морщинки вокруг глаз делают этого мужчину более строгим. Он вообще когда-нибудь бывает мягким?

– Рад, что тебе нравится, – спокойно и как всегда холодно

произносит он.

– Да, но не нужно было... – не знаю, как корректно сказать, что не хочу всего этого.

– Позволь мне решать, что нужно, а что нет, – отрезает он, и вся моя решимость где-то теряется в его приказном тоне.

– Ооо! – к нам подбегает Анечка, восхищаясь цветами. Она тянет руки и отрывает бутон пиона. Нюхает, забавно морщится, а потом увлечённо отрывает от цветка лепестки.

– Ты не вышла сегодня на работу, потому что... – ждет моих объяснений, поворачиваясь ко мне вполоборота.

– Потому что я увольняюсь.

– Испугалась? – напрямую спрашивает мужчина.

– Да, – честно признаюсь, потому что, смотря в глаза Калинину, не могу лгать. Кажется, он читает все ответы в моих глазах.

– Если смело посмотреть страху в глаза, то он умрет. Все наши страхи в голове.

И я смотрю. Выдерживаю около минуты, прежде чем отвернуться. Мой страх не умер, поскольку мужчина рядом со мной, похоже, бессмертен.

– Не нужно меня бояться, Елизавета, – мое имя произносит как-то по-особенному, растягивая буквы. Мурашки по коже, но уже не колючие, а горячие. – У меня не так много времени, мой день расписан поминутно. Ты стоила мне встречи с китайцами, – он встаёт с места, дергает ворот пальто, поднимая его вверх. – Мы почти незнакомы, а я уже те-

ряю деньги, – холодно усмехается, отчего мне становится еще неуютнее. – Вечером приглашаю тебя в театр.

А я опять утыкаюсь носом в цветы, зажмуривая глаза. Ну какой театр? О чем он говорит? Мне почему-то кажется, что этот дьявол хочет отобрать мою душу.

– Елизавета, – уже мягче произносит мое имя, обхватывает подбородок и поднимает голову, вынуждая смотреть ему в глаза. Его пальцы обжигают мне кожу, а глаза замораживают. – Это просто театр, просто приятный вечер, я хочу, чтобы ты мне его подарила.

Кусаю губы до боли, чтобы отрезветь и отказать Калинину. Он отпускает мой подбородок, берет за руку и подносит ее к своим губам. Меня словно простреливает током, когда его тёплые губы прикасаются к моей ладони.

Отпускает.

Уходит.

А я так и сижу в ступоре, не сказав ни слова.

***

– Вера, ну какой театр? Я совсем не знаю этого мужчину. Он старше меня, он... Он из другого мира. Я боюсь его, – говорю подруге, нервно моя посуда. Вера просто слушает, подперев рукой подбородок. – Зачем ему я? Уверена, рядом с ним вертятся женщины, с которыми я не сравнюсь. У меня денег нет даже на маникюр, я его сама делаю. Да на мне трусы за сто рублей, с рынка! Что его во мне привлекло?

– Ты ему показывала трусы? – наигранно ужасается Вера, прикрывая рот рукой. Смеется.

– Вера, мне не смешно.

– Прости. Не накручивай себя. Сходи в театр. Он же не в притон тебя приглашает. Может, это твой шанс.

– Да не хочу я никаких шансов. Я боюсь. Театр, а потом что? А если он начнет приставать? Я ведь даже пикнуть не смогу, – выключаю воду, вытираю руки и разворачиваюсь к подруге, облакачиваясь на тумбу.

– Дело не в этом. Не думаю, что этот мужчина – насильник. Ты всегда можешь сказать «нет». Дело в том, что ты считаешь себя недостойной его. А чем ты хуже? Достоинство людей не определяется деньгами. Тут все просто. Если отмени твой страх и комплексы, он тебе нравится как мужчина?

– Не знаю... – теряюсь. – Я не могу все это отменить. Ну не бывает так в жизни. Сказка про Золушку останется сказкой, в жизни все не так, да и Калинин не мой принц.

– Значит, все-таки нравится, – усмехается Вера. Она открывает ноутбук и что-то быстро печатает. – Ооо, вот он какой, Калинин Роман Константинович. Ну, что я могу сказать... – усмехается, щёлкая мышкой. – Не знаю, что ты нашла в нем страшного. Шикарный мужик. Я-то думала, там сальный толстопуз. А тут высокий, харизматичный, статный, а взгляд... Столько власти в нем и глубины, – Верка продолжает щёлкать мышкой, рассматривая фото Калинина.

– Хочешь с ним в театр? – бубню я. – Вот и иди, – даже не

смотрю в монитор. На подоконнике стоят его цветы. Сама не замечаю, как постоянно их касаюсь и вдыхаю нежный запах. Если быть честной, мне никто и никогда не дарил таких букетов и руки не целовал. Только вспомню его прикосновения – внутри все сжимается. Очень необычное чувство. Новое. Страшно. Как заглянуть в глаза своему страху?

– Ты же знаешь, я потеряна для всех мужчин, – вздыхает подруга. Я знаю. Вере нравится Дима, она в нем растворена. И наш сосед далеко не дурак, он чувствует это. Но... кроме дружбы, ничего не может предложить.

– Да мне и надеть нечего. Я только опозорюсь, – зачем-то говорю я.

В дверь кто-то звонит. Подруга соскакивает с места и идет открывать. Вытираю со стола и посматриваю на настенные часы. Осталось два часа. Что я буду делать, когда он за мной заедет? Не хочу объяснять, почему нет. Потому что не смогу отказать, смотря Калинину в глаза. А внутри все клокочет от волнения.

Верка входит на кухню, ставит на кухонный диван два больших бумажных пакета и загадочно улыбается.

– Это что?

– Это к вопросу «нечего надеть».

– Что?

– Господин Калинин позаботился обо всем. Он прислал курьера с одеждой и обувью, – выдает Вера, посматривая на пакеты. – И судя по логотипу на пакете... – усмехается по-

друга. – Я даже боюсь узнать, сколько это стоит.

А я не понимаю, что это за логотип, поэтому даже не представляю стоимость всего этого. Зачем мне было интересоваться тем, чего у меня никогда не будет? Да и не понимаю я, как можно выкидывать такие деньги на тряпки. Верка говорит, это мещанское мышление...

– Пошли посмотрим, что там, – нетерпеливо просит подруга, не дожидается моего ответа, хватает пакеты и убегает в комнату. Иду за ней. Мамочки. И что теперь делать?

– Вер, может, не надо?

– Давай хотя бы посмотрим, – предлагает она, уже вынимая из одного пакета прямоугольную коробку с красной атласной лентой. Развязывает, открывает...

Там платье. Очень красивое.

– Померь. Похоже, господин Калинин угадал с размером.

– Вер... – я настолько растеряна. В голове сразу всплывает фраза Калинина о том, что он теряет деньги. И мой комплекс вины набирает обороты. Я ненормальная.

– Лиза, такое платье грех не померить. Давай.

Вынимает его из коробки, расправляет и вытягивает в ожидании моих действий. Моя внутренняя маленькая девочка визжит от восторга и требует померить эту красоту. Сдаюсь. Скидываю футболку, шорты и аккуратно надеваю платье. Я не знаю, сколько это стоит, но оно того стоит. Это шикарное платье. Изумрудное, с широкой струящейся юбкой в пол и с длинными рукавами из такого же кружева. А самое

главное – оно точно подходит мне по размеру, подчеркивая талию, держа форму груди, словно его шили специально для меня. Глажу юбку ладонями и получаю удовольствие. Это не платье, а мечта...

– Вау, а как тебе идет этот цвет, – восхищается Вера. – Покрутись, – делает знак пальцами. – А туфли! – Верка раскрывает коробку с черными лодочками. Вроде бы классика, но смотрится дорого. – Это же Manolo Blahnik! – визжит Вера.

– Кто?

– Ой, лучше тебе не знать. Я такую прическу тебе сделаю под это платье, твой Калинин сойдёт с ума.

– Вера... – глубоко вдыхаю и закрываю глаза...

Глава 8

Константин

Премьера нового прочтения «Мастера и Маргарита» уже через час. Я не любитель, но думаю, Елизавете должно понравиться, по крайней мере, у меня сложилось о ней такое впечатление. Она довольно образованная и тонкая. Вежливая, тихая, скромная – это, наверное, и убедило меня остановиться на ней.

Не люблю опаздывать. Пунктуальность – мое основное требование к партнерам, подчиненным и даже к женщинам. Несобранные люди более развязны и несерьезны.

Ненавижу галстуки, бабочки и прочие удавки. Они меня душат. Поэтому надеваю черную рубашку с воротником-стойкой и брюки, откладывая графитовый костюм. Открываю ящик с аксессуарами и выбираю подходящие запонки.

– Культурная программа? Или как всегда – работа? – в гардеробную входит Марина. Она никогда не стучит и не спрашивает разрешения, где бы я ни был и чем бы ни занимался. И только ей я это прощаю.

– Культурная программа ради работы, – отзываюсь я, поглядывая на нее сквозь зеркало. Надеваю запонку на левую руку, а вот с правой вожусь дольше.

– Давай помогу, – берет мое запястье и ловко застёги-

вает. – Графитовой цвет очень подходит к твоим глазам, – осматривает меня внимательно, склоняя голову.

– Ты уже говорила.

– Да, говорила... Когда-то давно, когда тебе нравилось все, что я говорю...

Поднимаю глаза, ловлю ее взгляд, всматриваясь. А там... Там давно пустота.

– Почему ты не носишь парик? – указываю глазами на платок в виде чалмы на ее голове. – Ты же хотела. Не понравилось качество?

– Я вдруг поняла, что не хочу носить на себе части других людей.

– Марина, это все лирика... – глубоко вдыхаю, надевая пиджак. – Ты принимаешь таблетки? – надеваю часы, взмахиваю рукой, призывая ее выйти из гардероба.

– Я принимаю таблетки, но не принимаю эту жизнь.

– Прекрати! – нервно выдаю. Я срываюсь только с ней. Как, в принципе, было всегда, только эта женщина могла вывести меня на эмоции. Смеется. Подходит к зеркалу и рассматривает себя, начиная водить пальцами по шрамам.

– Не нравится? Отпусти меня.

– Мы это уже обсуждали.

– Обсуждали... – разворачивается ко мне, подходит очень близко, хватая за ворот пиджака. – Меня не устроил исход нашей беседы, – шепчет, продолжая холодно улыбаться.

Обхватываю ее запястья, отрывая от себя.

– Я не меняю решений.

– Я все время задаюсь вопросом: с чего ты взял, что можешь вершить чужие судьбы? Кто присудил тебе статус бога?

– Ты ошибаешься, на бога я не претендую, мне давно заказан котел в ад.

– Как всегда прав, – ухмыляется Марина. – Вернёшься – загляни ко мне, сыграем в шахматы, – разворачивается и покидает мою комнату.

***

Отправляю водителя за девушкой, а сам открываю окно авто и дышу холодным осенним воздухом. Елизавета живет в типовой старой пятиэтажке. Рассматриваю дом, окна, балконы. Картина нищеты навевает воспоминания из детства.

Моя бабушка жила в таком же доме, на первом этаже, с палисадником, огражденным вкопанными шинами, окрашенными голубой краской. Она выращивала цветы и зелень. В шесть лет я оборвал нарциссы и подарил девочке, за что получил шлангом от стиральной машины «Чайка».

На лавочке возле подъезда сидит парочка местных алкашей, о чем-то споря, рядом с ними бегают маленькая, грязная собака, клянча закуску. А я вижу на месте одного из них своего дядьку Геныча, пересидок еще тот. Начал свою карьеру с малолетки. И ведь умный был мужик, но не смог найти свое место в жизни. Так и подох в тридцать пять лет, выпив залпом пол-литра чистого спирта.

Закрываю окно. Откидываю голову на спинку кресла,

прикрываю глаза и глубоко дышу. В машине пахнет натуральной кожей и моим парфюмом, но у меня в носу стоит стойкий запах раннего детства.

Запах, который я ненавижу.

Противоположная дверь распахивается. Девушка медлит какое-то время, словно решается, но все же садится рядом. Водитель закрывает дверь и спешит за руль.

– Добрый вечер, – так тихо пищит она.

– Добрый, – киваю.

Машина трогается, девушка сглатывает, смотрит вперед и, кажется, вовсе прекращает дышать. Но она здесь, со мной, и мне бы ускорить всю эту возню с романтикой. Я заточен на деловые отношения, если хотите, на рыночные. Мне проще заключить контракт, где каждый четко знает свои обязанности.

Осматриваю Елизавету. Из-под пальто струится изумрудное длинное платье в пол. Замысловатая прическа, несколько прядей выбились на плечи. Минимум косметики, губы розовые, матовые. Симпатичная. Приятная.

Глубоко вдыхаю: какой-то дешёвый цветочный дезодорант перебивает собой ее естественный запах. В общем, если эту мышку немного переформатировать и упаковать в дорогую упаковку, у нас может все получиться.

– Как ты относишься к Булгакову? – интересуюсь я, заполняя тишину. Девушку нужно расслабить, иначе мы очень долго будем ходить вокруг да около, а у меня нет столько

времени.

– Мы едем на премьеру? – ее глаза немного загораются. Приятно удивлён ее осведомленностью. Не глупая, что уже радуется. У Валерии все-таки наметан глаз.

– Да, надеюсь, тебе понравится, – киваю. Что там еще делают с девочками, чтобы очаровать? Не знаю, да и знать не хочу. Этот этап в моей жизни давно прошел. Да и не было его вовсе. Нет, я не хам: ресторан, театр приятный вечер, подарки – пожалуйста. Но это все в процессе, во время отношений, а не «до», чтобы не терять время. Нужно давить на девушку, у нас максимум недели две.

Девушка расстёгивает пальто. Дышит. Страх, конечно, движущая сила, но ее страх и скованность нам только мешают.

– Ты прекрасно выглядишь, тебе идет.

Глаза у нее в тон платью – зеленые; нос вздернутый, щеки круглые, нижняя губа немного пухлая. Волосы русые, пшеничные. Миловидная. Похожа на девочку. Этот изумруд можно ограничить.

Будем работать.

– Спасибо. И за платье спасибо... И за туфли... Но не стоило...

– Мы, кажется, уже определились, что я сам решаю, что мне стоит делать. Научись принимать что-то от меня просто с благодарностью, без «но».

Елизавета долго молчит, отворачиваясь от меня к окну.

Сама не замечает, как обтирает ладони о пальто. Нервничает. Хочет поспорить со мной, но не решается.

– Чтобы принимать все, что дают... – вдруг начинает говорить тихо, но с каким-то надрывом. Решилась. И я с интересом слушаю. – Нужно отдать человеку что-то равноценное. У меня нет ничего равноценного.

Девушка сама не понимает насколько права.

– Отчего же? У тебя есть ценности дороже этих тряпок... Быстро моргает, смотря на меня непонимающим взглядом.

– Какие?

– Красота, непосредственность, нежность, скромность... и еще, наверное, много качеств, с которыми я не познакомился еще, – перехожу к активным действиям.

Я цинично фальшивлю?

Нет.

Это правда.

Она молода, наивна и утонченна. Но я, определённо, играю роль для своей выгоды. Вся эта лирика мне чужда.

– Честно, не люблю долгих прелюдий. – Смущается, краснея. Только не говорите мне, что она еще не искушена. – Ты меня привлекаешь, как девушка, женщина, – делаю паузу, машина останавливается возле театра, девочка растерянна, ждет продолжения, а я просто выхожу, обхожу автомобиль и открываю ей дверь, протягивая ладонь.

Глава 9

Холодный страх сковал сознание,

Вглубь проникает, словно яд.

И губ горячее дыханье...

Ты пала...

Нет пути назад.

(Дарья Джессо)

Елизавета

Калинин подставляет мне руку и ведет к входу. Никогда здесь не была, билеты неприлично дорогие. После признаний Романа кружится голова, и подкашиваются ноги. Очень стараюсь отмести страх и посмотреть на мужчину с другой стороны, но пока не могу. Дух захватывает, и дыхание спирает от его близости.

Несмотря на холодность, Калинин очень галантен. Он открывает мне двери, помогает раздеться, пропускает вперед и подставляет руку, видимо, чтобы я не рухнула с высоты каблуков. Мне постоянно кажется, что на нас обращают внимание больше, чем следовало бы. Неуютно. Но я пытаюсь бороться со своей скованностью, отвлекаясь на обстановку и атмосферу. Здесь красиво, впечатляюще, а когда я понимаю, что мы проходим в ложу для двоих, то внутренне пишу от восторга. Здесь невероятный обзор сцены.

Калинин помогает мне сесть в огромное и удобное крес-

ло, а сам располагается в соседнем. Между нами красивый резной столик. Откуда ни возьмись появляется официант, демонстрируя мужчине бутылку шампанского. Не знала, что во время спектакля можно пить. Парень ловко открывает бутылку, наливает нам по бокалу и оставляет ее в ведёрке со льдом. К шампанскому подают ягоды. Малина, клубника, ежевика. Свет гаснет, и парень ретируется. Калинин салютует мне бокалом, немного отпивает и отставляет бокал.

Я не люблю шампанское. Оно невкусное. По крайней мере, раньше мне так казалось. Для приличия отпиваю глоток и понимаю, что ошибалась. Этот напиток прекрасен. Алкоголя не чувствуется. Вкусно. Оставляет приятное фруктовое послевкусие, хочется пить еще и еще, а в сочетании с малиной так это вообще верх наслаждения.

Вечер проходит прекрасно. Спектакль великолепен. Я настолько увлеклась постановкой, что не замечаю ничего вокруг. Роман подливает мне игристого, пару раз выходит поговорить по телефону – он явно не впечатлён постановкой. Но я благодарна ему только за то, что получила возможность здесь побывать.

Аплодирую труппе, в конце со слезами на глазах. Я настолько впечатлена, что меня переполняют эмоции. Калинин молча подает мне руку, помогает подняться и выводит из зала. Выпитое шампанское приятно кружит голову, но я не пьяна, скорее всего, расслаблена. Впервые за все знакомство с этим мужчиной спало напряжение. Я под впечатлением и

более чувствительна. Кусаю губы, пытаюсь сдержать улыбку, когда он помогает надеть пальто, и вспыхиваю, когда его теплая, большая ладонь берет мою. И вот именно сейчас, когда удалось оттеснить страх, я понимаю, что мне приятны его прикосновения; его запах холоден, но им хочется дышать еще и еще. Хочется снова заглянуть в эти стальные глаза, но я не решаюсь.

Мужчина открывает мне дверцу машины, помогает сесть и только потом обходит автомобиль и садится рядом. Водитель тут же трогается с места и неторопливо выезжает на дорогу.

– Вижу, тебе понравилось, – я только сейчас замечаю, какой бархатный у него голос, с легкой хрипотцой. Да, тон по-прежнему холоден, но мурашки по моей коже разбегаются не колкие, а приятные. Мне хочется понять этого мужчину. Он всегда такой, либо какие-то обстоятельства так закалили его, вынуждая закрыться?

– Да, – киваю, искренне улыбаясь. – Спасибо, мне очень понравилось. Я в восторге, – честно признаюсь.

– Был рад угодить.

Калинину снова кто-то звонит, он отвечает на английском. А я, как замороженная, за ним наблюдаю. Отличное произношение, чистое, словно он носитель языка. Ему идет этот язык. И даже звучит не так холодно и безразлично, как русский. А я бездарность в этом плане. Языки мне никогда не давались. Мужчина чувствует мой взгляд, обращает на

меня внимание, и я тут же отворачиваюсь, краснея.

Он разговаривает всю дорогу, заканчивает, только когда машина останавливается возле моего дома. А я выдыхаю. Все обошлось. Я зря боялась. Вечер был немногословный, но приятный.

– Погуляй, – велит водителю, на что парень тут же выходит из машины, оставляя нас наедине. Моё сердце вновь колотится, как сумасшедшее, кажется, что оно заглушает все звуки.

– Завтра за тобой заедет водитель в восемь утра, – сообщает мне Калинин.

– Зачем?

– Ты выходишь на работу.

– Роман Константинович, я не могу вот так...

– Не обсуждается, – отрезает мужчина. – В восемь будь готова, – распоряжается. Киваю. Замираю, когда он берет меня за подбородок, вынуждая смотреть на него. Шампанское еще кружит голову, и я смотрю на свой страх в серую бездонную пропасть.

– У тебя красивые глаза, Елизавета, – низко произносит он, а мне кажется, его прикосновение к моему лицу жжет кожу, оставляя ожоги, вынуждая дрожать.

Мамочка... Никогда ничего подобного не испытывала. Я думала, так не бывает...

– Ты же взрослая девочка и понимаешь, куда это все ведёт.

– То, что я понимаю, не внушает мне доверия, – призна-

юсь я, закрывая глаза.

– Почему?

Сглатываю. Закусываю губу.

– Елизавета, ты можешь быть со мной откровенна.

– Я не готова отдаться за место в вашей компании, – выпаливаю я.

Калинин смеется. Я даже открываю глаза, чтобы на это посмотреть. Оказывается, чувства у него есть. По крайней мере, чувство юмора точно.

Я так смешна?

– Я похож на человека, который будет покупать интим?

– Нет, но...

– Что «но», говори, – голос настойчивый. Его большой палец начинает поглаживать мою скулу, оставляя еще больше горячих следов.

– Я тогда не понимаю... зачем вам нужна...

– Поверь, Елизавета, мои намерения гораздо серьезнее, чем ты думаешь. Расслабься и прими все.

– Но... я... – не могу сформулировать все свои страхи, а Роман не дает мне этого сделать. Он наклоняется, прикасается горячими губами к моим, но не целует. А мне много не нужно, внутри все переворачивается, сердце пропускает удары. Голова кружится уже от его насыщенного запаха мяты с бергамотом и близости.

– Спасибо за приятный вечер, Елизавета, – произносит в мои губы, касаясь их, не оставляя мне шансов на отказ. –

Доброй ночи. Увидимся завтра.

Отпускает. Около минуты сижу в ступоре, пытаюсь отдышаться. Слова, отказы, мысли где-то теряются, и я, словно вдрызг пьяная, пошатываясь, выхожу из машины и, не сказав больше ни слова, иду домой.

Глава 10

Елизавета

Утром за мной и правда приезжает водитель. Смотрю на черную, блестящую машину из окна и не верю своим глазам. Водитель выходит, натирая лобовое стекло. Мимо проходит наша соседка снизу и почти сворачивает себе шею, рассматривая машину. Такие даже в городе редко встретишь, не то что в нашем дворе.

– Что ты там увидела? – сонно потягиваясь, спрашивает Вера.

– За мной приехали.

Я уже полностью собранная. Строгая юбка, белая блузка, волосы в пучке, но выходить не тороплюсь. Эйфория от вчерашнего вечера прошла, и мне вновь страшно. Верка встает с дивана и подходит ко мне. Квартира у нас однокомнатная, и спим мы на двух противоположных небольших диванчиках.

– Ого! Поздравляю, Максимова. Вот это скачок по карьерной лестнице! Когда выйдешь замуж за Калинина, не забудь про меня, – шутит она.

– Вера! – слегка толкаю ее в плечо. – Ладно, пошла я, нехорошо заставляю себя ждать, – вздыхаю и иду в коридор. Надеваю пальто, ботильоны, подхватываю сумку и зонт. Выхожу. С одной стороны, меня это все будоражит и волнует. Такой мужчина обратил на меня внимание. Мне двадцать

лет, я давно не боюсь близости, но я боюсь, что меня принимают за девушку лёгкого поведения. Этого я не переживу. Калинин довольно успешный бизнесмен, и он, определенно, умеет покупать, только вот я не хочу продаваться. Оттого и страшно.

Всю дорогу до работы думаю о том, как вести себя с Романом. Но, с другой стороны, если бы он хотел просто переспать, то, наверное, так бы и не заморачивался. Не думаю, что он нуждается в отношениях такого рода. Калинин говорил о серьезных намерениях. Полагаю, что взрослый и состоявшийся мужчина не будет так дешево лгать. Да и незачем ему – взять с меня нечего. Надо признать, мне просто страшно из-за разницы в возрасте и статуса.

Я трусиха.

Машина паркуется на стоянке компании, а пока я решаюсь выйти и вожусь с сумкой, водитель открывает мне дверь. Тоже безэмоциональный, как робот, выполняет только заданные функции. И даже когда я его благодарю с улыбкой, просто кивает, смотря куда-то сквозь меня. Медленно бреду к входу в компанию, не понимая, к кому мне сейчас обращаться. Оборачиваюсь и вижу, что водитель идет за мной.

– Я провожу вас, – четко проговаривает парень. Они тут все как безликие солдаты. Киваю, ускоряя шаг.

На ресепшене Ира. Рядом с ней уже какая-то новая девушка. Отвожу взгляд, мне почему-то дико неудобно. Водитель вызывает лифт. Пока ждем, я оборачиваюсь, чувствуя

на себе взгляды. Ира с новенькой перешёптываются, разглядывая меня. Неприятно.

– Нужно раздеться в гардеробе, – говорю парню.

– Не нужно, – отвечает он, взмахивает рукой, пропуская вперед.

Не нужно, так не нужно.

Пока поднимаемся, рассматриваю себя в зеркало. На входе пальто темное пятнышко. Вот когда я его успела посадить? Из прически выбилась прядь, заправляю ее за ухо. Нужно было накраситься. Но настроения не было.

Лифт останавливается на последнем этаже. Меня ждет сюрприз. Коридоров и множества дверей, как на других этажах, здесь нет. Мы сразу попадаем в большой и светлый холл с картинами на стенах и причудливыми геометрическими инсталляциями. В середине огромный макет жилого района, над которым в данный момент работает компания. Здесь только одна дверь в приемную. Парнишка опережает меня, открывая дверь, и терпеливо ждет, пока я медлю.

Глубоко вдыхаю, словно перед прыжком, и вхожу. Еще недавно я мялась в отделе кадров, чтобы попасть на ресепшен, а сегодня в приёмной главы компании. Голова кружится от размаха. Тут приёмная больше, чем наша квартира.

Секретарь – молодая девушка, немного старше меня. Она отрывается от монитора и скептически выгибает бровь, осматривая нас.

– Елизавета Максимова к Роману Константиновичу, – со-

общает парень, и выражение лица секретаря тут же меняется на взволнованное. Она даже встает.

– Да, конечно. Добрый день, – улыбается во все зубы, выходит из-за стола и идет ко мне, – давайте пальто, Роман Константинович вас уже ждет.

Оборачиваюсь на водителя, но его уже нет. Как ни странно, с ним мне было спокойнее. Раздеваюсь, передаю девушке верхнюю одежду. Она быстро вешает мое пальто в шкаф и указывает на большие двери Калинина.

– К вам Елизавета Максимова, – сообщает девушка, пропуская меня внутрь. Прохожу, сердце начинается колотиться, как сумасшедшее, когда двери за мной закрываются.

Калинин разговаривает по телефону, смотря в огромное панорамное окно и стоя спиной ко мне. Делаю шаг вперед и останавливаюсь. Осматриваюсь. Здесь много пространства и света. Черно-белый кабинет. Высокие потолки, черная мебель и белые кожаные кресла. Таких кабинетов я даже в кино не видела. Мне страшно даже дышать здесь. Пахнет парфюмом Романа и свежим кофе.

Мужчина оборачивается, продолжая беседовать, кидает на меня строгий взгляд, или мне так кажется. Указывает на диван, идет к столу, открывает папку, начиная что-то диктовать.

Сажусь на край дивана, стараясь держать осанку. Расслабиться не получается. От Калинина исходит аура власти и превосходства. Возникает ощущение, что, если потеряешь

бдительность, этот хищник сожрёт тебя.

Рассматриваю мужчину, пока он отвлечён бумагами. Как всегда, идеальный, в темно-синей рубашке с закатанными рукавами, в идеально отглаженных брюках и начищенных туфлях. Несмотря на то, что он по факту офисный работник, руки у него сильные, с выступающими венами, часы на них смотрятся иначе, чем на запястье слабого мужчины. Краснею и отворачиваюсь, когда Роман ловит меня за рассматриванием его рук.

– Доброе утро, – произношу я, как только Калинин заканчивает разговор.

– Доброе, – он даже здоровается холодно. Отстранённо. Я все никак к этому не могу привыкнуть. Его манера общения совсем не располагает, не позволяет расслабиться. Мужчина нажимает на кнопку селектора, осматривая меня. Одергиваю юбку. От его взгляда всегда холодно, словно я раздетая. – Маргарита, кофе, – распоряжается. – Латте, и мне – со сливками без сахара.

Я заметила, что он обращается к женщинам только полными именами: Вероника, Елизавета, Маргарита. Мне нравится, есть в этом что-то уважительное к женщинам.

Калинин встает и идет ко мне.

Дыши, Лиза.

Никогда не встречала людей с такой сильной энергетикой. Словно он и не человек вовсе, а что-то гораздо выше.

Роман садится в кресло напротив меня и склоняет голову.

– Без косметики ты выглядишь моложе. Если бы не знал точно, сколько тебе лет, подумал бы, что ты совсем девочка.

Я киваю невпопад.

– Ты чувствуешь во мне угрозу?

– Нет, – лгу. Я просто никогда не встречала таких мужчин.

– Тогда почему в твоих глазах отражается страх?

– Я... – закрываю рот, потому что в кабинет входит секретарша и ставит на низкий столик две больших белых фарфоровых чашки кофе и сахарницу с тростниковым сахаром.

– Что-нибудь еще, Роман Константинович?

– Нет, спасибо. Вызовите мне Эдгара Робертовича.

Девушка кивает и быстро покидает кабинет.

– Продолжай, – распоряжается Калинин.

– Это все непривычно. И вы... – Он выгибает брови, отпивая кофе. – Вы очень строгий мужчина, вы старше, вы выше на несколько уровней, я теряюсь рядом с вами, – признаюсь ему. Калинин, задумывается, а я беру свой кофе, поспешно отпивая, чтобы скрыть волнение и смущение.

Роман молчит, не прекращая меня рассматривать. Он не может просто смотреть, как другие люди. Он либо окатывает холодом, либо трогает взглядом, медленно пробирается по всему телу, ошупывая серыми пронзительными глазами. А потом усмехается одними губами, но глаза по-прежнему ледяные.

– Ну, во-первых, тебе нужно обращаться ко мне на «ты». Перейди, наконец, эту границу в своей голове. Возраст... –

задумывается. – Возраст – это не граница между мужчиной и женщиной. Статус... Все переменчиво. Жизнь непредсказуема. Сегодня у меня есть этот статус, завтра нет. Мне нравится твое уважение к мужчинам. Но ты слишком скованна. Расслабься, девочка. Я просто человек. Со своими принципами, мнением, позицией, опытом, статусом. Но всего лишь человек. Смертный, как и все.

«С большими возможностями», – хочется добавить мне. Но я кусаю губы. Легко ему говорить...

– Роман Константинович, – в селекторе раздаётся голос секретаря. – Эдгар Робертович ожидает, – сообщает она. Калинин молчит, продолжая смотреть мне в глаза. Не выдерживаю, отворачиваюсь – слишком давящий взгляд. Калинин ставит чашку на стол, идет к двери и приоткрывает ее.

– Эдгар, зайди, – просит он и идет к рабочему столу, размещаясь в своем огромном кресле.

В кабинет входит мужчина неопределённого возраста. Маленький ростом, полноват, в костюме, который явно ему не по размеру. То есть не сходится на животе. Он сразу меня замечает. Вот если Роман трогает холодным взглядом, но это будоражит, то Эдгар сразу пачкает сальными, грязными глазами, от которых хочется отмыться.

– Познакомься, Елизавета, это твой непосредственный начальник. Руководитель экономического отдела, Эдгар Робертович.

– Очень приятно, – произношу я. Хотя мне совсем не при-

ЯТНО.

Глава 11

Елизавета

– Проходите, Лиза, – произносит мой новый начальник, заводя в свой кабинет. Хочется поправить его и сказать, чтобы называл как Калинин – Елизаветой. И если у Романа светлый, просторный кабинет, то у этого сального мужика все в красном дереве, с тяжёлыми портьерами, и пахнет табаком. – Надеюсь, вы понимаете, что на серьезные должности я вас взять не могу, но вы не переживайте, Лизонька. – Морщусь, не люблю, когда меня так называют. – Да вы присаживайтесь. Выпьем кофе.

– Спасибо, постою, и кофе я уже пила, – сухо отрезаю я. Возможно, конечно, кажется, но мне совершенно не нравится, как на меня смотрит этот мужчина. Хочется срочно помыться. – Может, вы разъясните мне мои обязанности? И на важные должности я не претендую. Опыта у меня нет.

– Какая строгая, – усмехается, покачиваясь в своем кресле. – Нам такие нужны. Пойдёте на стажировку к нашему главному экономисту, Елене Сергеевне. Но ваше образование и протекция не позволят вам засидеться на младших должностях, – усмехается мужчина. А мне так стыдно, что хочется провалиться сквозь землю. Протекция. Мамочки. Может, сбежать отсюда?

– Я хотела бы всего добиться сама, – заявляю ему.

– Ну, конечно, конечно, – говорит мужчина, но его улыбка настолько фальшива, что меня начинает тошнить. В дверь стучат.

– Войдите.

В кабинет входит женщина лет сорока пяти. Невысокого роста, в теле, но приятная. Я бы сказала, обаятельная. Это первый человек в компании, внушающий мне доверие.

– Елена Сергеевна, принимайте стажёрку. Она у нас на особом счету, так что не обижайте Лизоньку.

Хочется крикнуть ему, чтобы прекратил постоянно намекать, что меня продвигает Калинин.

– Думаю, мы сработаемся, – женщина приобнимает меня за плечи и уводит из кабинета этого неприятного мужчины. – Ты к нему привыкнешь, он всегда такой, – усмехается Елена Сергеевна. – Пойдем, покажу твое рабочее место.

Выдыхаю, становится немного легче. Возможно, не все так плохо.

До обеда мы работаем. Елена Сергеевна довольно приятная и опытная женщина. Она много мне подсказывает и учит. Иногда ругает, но по-доброму. Вот он, тот самый опыт, который так нужен, чтобы устроиться на работу. И этот опыт бесценен, когда работаешь со знающим человеком. К обеду в моей голове только цифры, анализ и показатели. Трудно. Но я стараюсь.

Елена Сергеевна отвечает на звонок. С чем-то соглашается, подпирает подбородок и смотрит на меня, внимательно

изучая.

– Я делаю что-то не так? – отрываюсь от бумаг.

– Нет, для первого дня ты умница.

– А что тогда? – не понимаю я.

– Я не люблю ходить вокруг да около, не люблю собирать сплетни, как и участвовать в них. Можно я спрошу напрямую, а ты напрямую ответишь? Но это никак не повлияет на нашу работу.

– Да, конечно, – киваю.

Женщина снимает очки и крутит их в руках.

– Ты протезе Калинина?

– Если это означает, что он помог мне попасть к вам, то – да.

– Ты его родственница?

– Нет.

– Ты знаешь, что вся компания с утра шепчется о тебе?

– Догадываюсь, – морщусь я. – Это очень неприятно.

– Не буду любопытствовать, в каких вы отношениях – это не мое дело. Но спрашивать я с тебя буду строго, без поблажек.

– Спасибо. Мне не нужны поблажки, я хочу научиться и перенять ваш опыт.

– Вот и замечательно. У нас обед. Иди, Калинин желает тебя видеть, – сообщает она.

– Елена Сергеевна, вы только не подумайте...

– Лиза, у меня нет привычки осуждать и разводить сплет-

ни. Иди, – отмахивается она. – Не опаздывай.

Выхожу, немного теряюсь в коридоре, не сразу находя дорогу к лифту. На этаж выходят две женщины, оборачиваются на меня. Как быстро разлетаются сплетни. Конечно, меня знают все в лицо – я стояла на ресепшене. Прохожу в лифт, еду на верхний этаж, а у самой щеки горят. Нужно быть выше сплетен, но не получается. Я не люблю повышенное внимание. Никогда не выделялась. Я вообще где-то социопат.

Прохожу в приёмную, секретарша улыбается мне, как родной.

– Роман Константинович ждет, проходите, – указывает на дверь.

А я замечаю, что каждая новая встреча с этим мужчиной все меньше меня пугает и все больше волнует. Уже смелее захожу в кабинет, заставая Романа с бумагами в руках на диване перед накрытым столом. Там паста с морепродуктами, паштет с гренками и чай в фарфоровом чайнике. Все так красиво накрыто, не хуже, чем в ресторане. Калинин не ест, дожидается меня.

– Добрый день, Роман, – пытаюсь отпустить себя и быть более раскованной.

– Добрый, Елизавета, – откладывает бумаги, указывает рукой на место за столом. – Извини, обед сегодня в офисе. У меня мало времени.

– Не нужно было... Я бы пообедала сама.

– Давай уточним сразу, чтобы больше не возвращаться к

этому вопросу. Отныне ты едешь на работу только с моим водителем, завтракаешь и обедаешь со мной. Ужин – по обстоятельствам, – вполне серьёзно заявляет он.

– Зачем вам это нужно?

– Что именно?

– Завтраки, обеды, ужины со мной...

– Кажется, я уже пояснял. Ты мне нравишься как женщина. Надеюсь, и я тебе не противен, и ты станешь более раскованной, когда все же перешагнешь границу в своей голове и преодолеешь страх.

– В моей жизни не было мужчин, поэтому мне сложно, – признаюсь я. Калинин заглядывает мне в глаза, словно пытается считать правду.

– Поясни. Не было мужчин старше или в общем? – в его всегда холодном тоне легкое удивление.

– В общем... – закрываю глаза, потому что мне стыдно.

Тишина, чувствую на себе его взгляд. Дышу. Веду себя как ребенок, но ничего не могу с собой поделать. Лучше если я сразу обозначу, что не продаюсь.

Слишком долгая пауза. Не ожидал? Это его отталкивает? Кусаю губы. Зачем я призналась?.. Дура. Слышу, как Калинин поднимается и садится рядом со мной. Его тёплая ладонь обхватывает мои скулы, и мое дыхание тут же учащается.

– Открой глаза, Елизавета, – низко произносит он. Сглатываю, распахиваю веки и встречаюсь с его стальным, прон-

зительным взглядом. – Как так вышло, что в двадцать лет ты не искушена?

– Не знаю, не нашлось человека...

– Не нашлось... – повторяет мои слова. Наклоняется, сжимает скулы сильнее и целует меня. А мне стыдно признаться, что и целоваться я тоже не очень умею. Поэтому замираю и просто позволяю ему делать все, что он хочет. В голове даже не возникает мысли оттолкнуть. Его настойчивые губы всасывают мои, горячий язык пробирается внутрь, сплетаясь с моим, и я куда-то плыву.

Это сладко, это так хорошо, что я теряю связь с реальностью. Его холодный запах кружит голову, его близость дурманит. Тело окатывает волнами жара. Стыдно признаться себе, но мне хочется прогнуться и прильнуть к этому сильному, взрослому, опытному мужчине. Пытаюсь отвечать, но он немного больно прикусывает мои губы, не позволяя этого сделать. Нет, Роман не мягок и не нежен, он, скорее, груб. Его ладонь сжимает скулы, его губы жёсткие и настойчивые, его поцелуй лишает дыхания. Я даже не могла представить, что такое настоящий поцелуй. И он мне нравится. Нравится настолько, что я издаю стон в его губы. Поцелуи с ровесниками, дальше которых я никогда не заходила, всегда отгаливали и казались слюнявой вознёй. Поцелуй этого мужчины заставляет желать большего. Словно он дает мне ничтожно мало, а хочется еще и еще...

Его губы отпускают меня, а хватка на скулах слабеет, я

по инерции тянусь за ним и тут же краснею. Страшно признаться, насколько я готова отдаться этому мужчине. Сама себе поражаюсь.

– С ума сойти, девочка, – произносит Калинин. Впервые в его голосе что-то меняется, он не холоден. Голос хриплый, бархатный, с легким придыханием. – Ты прекрасна, Елизавета. Спасибо за откровенность.

Отпускает меня и садится на свое место. Открываю глаза, облизываю губы и дышу, стараясь сдержать улыбку. Ну не похож он на человека, который будет использовать меня. И я хочу прыгнуть в этот омут с головой, во мне все сжимается и ноет от желания довериться этому мужчине. Он кажется мне достойным и, несмотря на закрытость, настоящим.

Глава 12

Елизавета

Меня и правда каждый день возит на работу водитель, он провожает меня до приёмной Калинина. Секретарша с каждым последующим днем все шире и шире мне улыбается, принимая, как родную. На меня по-прежнему оглядываются сотрудники и шепчутся за спиной. Я общаюсь только с Еленой Сергеевной. Она не задает лишних вопросов и не участвует в сплетнях.

Каждое утро мы с Калининым пьем кофе, и только для меня доставляют блинчики со свежими ягодами. Роман не ест по утрам. Мы обязательно обедаем вместе, беседуя. На самом деле мужчина задает вопросы, на которые хочет услышать развёрнутые ответы. Его интересует все, что я читаю, в каких отношениях с матерью, насколько близка с подругой, где отдыхала и работала и многое другого. Не думала, что ему это интересно, но он слушает внимательно, задавая дополнительные вопросы.

После обеда Калинин, как правило, целует мне руку и отпускает. Вечером тот же самый водитель увозит меня домой. И я начинаю привыкать. Мне уже не так страшно, чувствую себя более раскованно и все меньше обращаю внимание на сплетни.

Я привыкаю к новой жизни.

К чему она меня приведёт?

Не знаю...

Но если не попробуешь, не узнаешь.

Да, меня привлекает Калинин своей мужественностью, глубиной и величием. Хочется заглянуть в него глубже и понять, что там внутри него, из чего он состоит. Он как запретный плод: чем больше величия и недосыгаемости, тем больше хочется дотянуться.

Калинин почти не нарушает моих границ, не форсирует события, проще говоря, не лезет под юбку, а больше интересуются моей составляющей. У меня совсем нет опыта отношений, но я полагаю, что это сейчас редкость. И главное меня всегда подсознательно привлекали мужчины старше. Они мне казались надежнее и внутренне богаче.

Как всегда, поднимаюсь на обед на последний этаж. Прохожу в приемную, немного прихрамывая. Вчера купила новые туфли и, похоже, погорячилась с высотой каблука. Помимо этого, новая обувь немного натирает. Но на ногах туфли смотрятся великолепно. Насмотревшись на местных сотрудниц, мне тоже хочется выгладеть на высоте. Очень хочется нравиться Калинину и прекратить комплексовать по поводу дешёвой одежды.

– Добрый день, – в очередной раз приветствует меня секретарша. Киваю, медля. Несмотря на то, что мне уже почти не страшно, каждый раз всегда волнительно входить в кабинет Романа и встречаться с его стальными глазами. – Про-

ходите, для вас уже накрыли, – Маргарита открывает двери, пропуская меня, и тут же удаляется.

Тихо. Калинина нет. В воздухе витает только его запах мяты, бергамота и чего-то холодного. Стол действительно накрыт, но на одну персону. Стыдно признаться, но я не знаю, как называется стоящее там блюдо. Это мясо под каким-то соусом и овощи на гарнир. Чайник чая, красивая фарфоровая чашка и ягодный десерт с белым кремом. Пахнет умопомрачительно. Осматриваюсь, на столе букет герберов и записка, вырванная из ежедневника. Беру лист и первое, что замечаю, это красивый почерк, буквы большие, аккуратные, почти каллиграфические.

«К сожалению, я не могу сегодня с тобой пообедать. Приятного аппетита, Елизавета. Надеюсь, эти цветы сгладят мое отсутствие».

Улыбаюсь, трогая кончиками пальцев лепестки ярко-алых гербер. Красивые, нежные, свежие. Наклоняюсь, вожу по цветам носом. Пусть этот мужчина холоден, но поступки у него очень даже тёплые.

Сажусь за стол, не прекращая улыбаться. Мне нравится кабинет Калинина. Он такой просторный, светлый, прекрасный вид из панорамного окна. Мне вообще нравится все, что связано с этим мужчиной: запах, одежда, машина. И дело даже не в дороговизне и брендах, дело во вкусе. У Калинина он, определенно, есть.

Сажусь за стол, обедаю. Вкусно. Очень. Настроение заме-

чательное. И плевала я на сплетни. Пусть чешут языки.

Еще полчаса до конца обеда, и мне хочется посидеть в кабинете Калинина, послушать тишину, подышать свежим запахом и посмотреть в окно. Медленно пью чай, облизывая ложечку с кремом, задумываясь о маме. Я так соскучилась по ней. Вот бы съездить домой после зарплаты.

С удовольствием снимаю туфли и постанываю от удовольствия. Быстрее бы их уже разносить.

От скуки рассматриваю полки, поднимаюсь с места на цыпочках и, как шпионка, подхожу к его рабочему столу, провожу рукой. Настоящее тёмное дерево. Мне жутко интересно посмотреть на повседневные вещи, которыми пользуется этот мужчина. Монитор, тонкая клавиатура, как коврик, впервые такую вижу, кнопки словно сенсорные. Пара черных папок с документами. В подставке из черного камня ручки и карандаши. Необычный маятник в виде солнечной системы. Толкаю его пальцем, и планеты начинают крутиться – завораживает. На огромном кожаном кресле висит его пиджак. Наклоняюсь, глубоко выдыхаю мужской запах. Закрываю глаза, дурманит. Сердце ускоряет ритм, словно я здесь незаконно и совершаю что-то запретное. Вдруг опять накрывает страхом, внутри все сжимается от того, что кажется, будто я лечу в бездну и разобьюсь, но назад дороги нет.

– Роман! – вздрагиваю, когда в кабинет входит Валерия Владимировна. О боже! Теряюсь и быстро иду к дивану, садясь за стол. Стыдно. – Добрый день, – здороваюсь, стращи-

вая с юбки невидимые крошки.

Мне нравится эта женщина. Она ухоженная, элегантная, утончённая. В меру строгая. Мне нравится ее одежда, все стильно, модно, со вкусом, невычурно. Сегодня ее волосы в высоком хвосте. Черное платье совсем простое и идеально сидящее по фигуре, но дополнено длинной жемчужной нитью, скрученной на груди. Завидую ее идеальной походке на шпильках. Пахнет от женщины чем-то очень утончённым.

– Добрый, – она выгибает бровь, осматриваясь. – Ты одна?

Женщина изучает меня, обращая внимание на снятые туфли. Блин, как неудобно. Быстро надеваю туфли обратно.

– Да, Романа нет... – немного стесняюсь. Расправляю плечи, держа осанку.

– Ясно, я совсем забыла, что у него деловой обед.

– Может, чаю? – предлагаю я и только сейчас понимаю, что второй чашки нет.

– Не откажусь, – улыбается Валерия и идет к столу.

– Только чашки нет...

– Я найду, – усмехается она. Подходит к шкафу, открывает дверцу, которая оказывается баром, и достает оттуда чашку. Наливаю ей чай, улыбаюсь, хотя до сих пор стыдно за то, что она меня подловила. Женщина рассматривает меня, отпивая глоток чая и продолжая улыбаться.

– Как тебе экономический отдел? Не обижают тебя там?

– Нет, все хорошо. Елена Сергеевна очень компетентная.

– Хорошо. Да расслабься ты. Я не кусаюсь. Давай дру-

жить? – вдруг предлагает она. – Я знаю, что наш коллективчик шепчется о тебе и Романе. Как ты это воспринимаешь?

– Неприятно, но я переживу, – отмахиваюсь я.

– Умница. Они привыкнут.

Киваю ей, посматривая на часы, осталось пятнадцать минут.

– Ты не бойся Романа. Он всегда такой циничный. Но мужчина хороший. Надёжный, я бы сказала.

– Не знаю... как-то все стремительно... – решаюсь ей довериться. Я восхищаюсь этой женщиной. Ей около тридцати, а она уже многого добилась.

– Не переживай. За много лет ты первая женщина, которую он так близко подпускает.

– Правда?

Кивает.

– Вы будете шикарнейшей парой, – уверенно произносит она. Молчу, не зная, что ответить. – Слушай, завтра выходной, давай сменим твой гардероб? Ты не обижайся, но тебе нужна одежда более... – подбирает слово. Да все я понимаю, потому что чувствую себя среди этих людей серой мышью.

– Может, с зарплаты...

– Я тебя умоляю, какая зарплата? Калинин за все заплатит.

– Нет, ну что вы, я так не могу! – громче, чем нужно, говорю я. Этого мне ещё не хватало.

– Лиза! Нужно пользоваться «серьезными намереньями»

мужчины, – подмигивает она мне. Расслабляюсь. Зря я переживала. Очень хорошая женщина, только с виду кажется недостижимой и строгой.

– Нет, я так не могу, – категорически отказываюсь. Я вообще не понимаю, как можно вот так взять у мужчины деньги. И не хочу этого делать!

– Вот ты замороженная, конечно. Любая другая уже визжала бы от восторга.

– Я, видимо, не такая...

Валерия, задумывается, вновь меня рассматривая и прищуривая глаза.

– Тогда давай, я займу тебе, сама расплачусь, а ты потом, когда-нибудь отдашь.

– Ну не знаю. Если только парочку костюмов для работы.

– Вот и договорились. Обменяемся телефонами, завтра встретимся, – шустро предлагает Валерия. Я не могу ей отказать. Мне приятно, что такая женщина хочет со мной дружить. Валерия убегает, и я вместе с ней. Обед подошел к концу. Время работать. Весь оставшийся день свечусь, как новогодняя елка. Все не так страшно, как мне кажется.

***

Вечер. Елена Сергеевна убегает домой. А я доделываю отчет. Не хочу оставлять работу на выходные. Тем более осталось совсем немного. От часа переработки ничего не будет, меня не ждут дома дети, как Елену Сергеевну. Делаю себе кофе и быстро моргаю, позволяя глазам прийти в норму, а

потом снова смотрю в монитор.

Почти заканчиваю, довольная собой. Слышу, как открывается дверь, поднимаю глаза и вижу, как в кабинет входит Эдгар Робертович.

– Максимова, ты почему еще здесь? – удивляется он, закрывает дверь и идет ко мне.

– Я отчет доделываю. Уже почти закончила, – стараюсь быстрее все доделать, мне неприятно общество этого мужчины.

– Похвально, Лизонька, работайте.

Сжимаю губы, стараясь сосредоточиться, но это сложно, когда он садится в кресло и, покачиваясь, смотрит на меня. Да к черту, закончу в понедельник. Закрываю все вкладки и встаю с места, начиная собираться.

– Довезу тебя, – не предлагает. Оповещает.

– Спасибо, не нужно, – надеваю пальто, хватаю сумку и направляюсь к выходу, но мужчина меня опережает, хватая за руку.

– Да стой ты! – сжимает больно запястье.

– Опустите! – шиплю, а у самой сердце заходится от его грязного взгляда. Он не просто смотрит, он словно уже имеет меня, насилуя. Тошнит. Пытаюсь вырваться, но мужчина дергает меня на себя.

– Да не ломайся ты, послушай! Что там тебе дает Калинин? Я дам больше. Он же просто поиграет, и вылетишь ты отсюда. А я возьму тебя надолго, на полное содержание. Не

обижу, если будешь сговорчивая, – противным и тягучим голосом говорит он, облизывая губы.

– Если не отпустите, я буду кричать! – повышаю голос.

– Да кричи сколько угодно, – усмехается мужчина. Мне кажется, я сейчас потеряю сознание от страха и гадливости.

Слезы накатывают, застилая глаза. – На этаже никого нет.

– Кроме меня! – за спиной раздаётся голос Калинина, и я начинаю плакать, но уже от облегчения.

Глава 13

Елизавета

Эдгар Робертович быстро меня отпускает и отходит на несколько шагов. Пауза. Всего несколько секунд, но выражение лица мужчины меняется. Глаза бегают от меня к Калинину. А я стою на том же месте в ступоре, больно кусаю губы и стараюсь не плакать.

– Елизавета! – Роман протягивает мне руку. Смело вкладываю свою ладонь в его. Он дергает меня на себя немного резко, спотыкаюсь на чертовых каблуках, но он ловит меня за талию, удерживая на месте. Его ладонь сжимается на моей талии, он заглядывает мне в глаза и топит в своей темно-серой бездне. Впервые холодность в его глазах меняется на злость, я чувствую мощную волну агрессии от Романа.

– Елизавета, что произошло?

– Я хотела...

– Роман, все не так, как может показаться. Я просто хотел предложить свою помощь, – нагло лжет мужчина.

– Рот закрой! – Калинин не повышает голос, но в его тоне столько ярости, что немею даже я. – Я хочу услышать Елизавету, – ждет от меня разъяснений. Глубоко вдыхаю, собираясь с силами.

– Я задержалась, хотела доделать отчет, – тараторю, пытаюсь собраться с мыслями.

– И это похвально, я хотел... – вновь встречается Эдгар Робертович.

– Я не давал тебе слово! – обрывает его Роман. – Продолжай, Елизавета.

– Эдгар Робертович предложил подвезти, я отказалась. Он схватил меня и начал обращаться, как с... – не могу произнести это слово.

– Как с кем?! – настаивает Калинин.

– Как с проституткой, – выпаливаю я. – Сказал, вы всего лишь играете со мной, а он даст больше. Боже! – закрываю глаза, машинально потираю запястье, которое сжимал мой начальник.

Роман поднимает мою руку, рассматривая красные пятна.

– Мирон! – вдруг громко произносит он, и в кабинете появляется высокий brunet в сером костюме. – Уведи девочку в машину. Подождите меня там, – командует он. Мирон пропускает меня вперед. Медлю, заглядывая в серые глаза. – Иди! – с нажимом произносит он.

Иду, но оглядываюсь, Калинин делает пару шагов в сторону моего начальника, а Мирон закрывает дверь. Вздрагиваю, когда сталкиваюсь в коридоре с ещё одним молодым парнем, тоже высоким и широкоплечим. Он отступает, пропуская меня к лифту.

– Иван, ты в распоряжении Романа Константиновича, – говорит Мирон, и парень уходит к кабинету.

Все вроде обошлось, а меня потряхивает. Сжимаю сумку

до боли, чтобы не трястись. Я никогда не попадала в такие ситуации. Нет, были парни, которые борзели, но мне удавалось их отшивать.

Мужчина молча провожает меня к машине Калинина, помогает сесть и протягивает бутылку воды. Киваю в знак благодарности и съезжаю на сиденье, откидывая голову. Хочется домой. Принять душ, укутаться в плед и уснуть. Чувствую себя грязной и вымотанной. Дышу. Но воздуха так мало. Мне очень нравились моя работа и Елена Сергеевна, но я не хочу возвращаться туда, даже если Калинин поговорит с моим начальником. Я просто больше не смогу столкнуться с Эдгаром Робертовичем. Мне противно... А ведь он женат... Боже, куда катится мир? Почему мужчинам всегда мало того, что у них есть?

Пить действительно хочется, и я сама не замечаю, как выпиваю всю воду из бутылки. Не знаю, сколько проходит времени, мне кажется, оно тянется вечность.

И спустя «вечность» в машину садится Калинин. Он велит водителю трогаться и оборачивается ко мне.

– Как ты себя чувствуешь?

– Нормально, домой очень хочется, – голос почему-то дрожит. Роман внимательно меня рассматривает, склоняя голову.

– Испугалась, – не спрашивает, утверждает. Киваю. Как ему сказать, что я не хочу возвращаться на работу? Этот мир не для меня. Я слишком слабая. Наверное, мой удел – это

кассирша. – Не переживай, ты больше не встретишься с этим человеком. Думаю, на его место поставить Елену. Что думаешь? – задумчиво спрашивает он.

– Елена Сергеевна очень хороший экономист. Но как? За-чем? Не нужно из-за меня терять сотрудников. Елена говорила, что Эдгар Робертович давно в компании и очень компетентен.

– Елизавета, позволь мне решать, что делать в своей компании, – недовольно произносит он. – Человек, который посмел тронуть то, что принадлежит мне, уже не тот человек, которого я хочу видеть в управлении. Я должен ему доверять, сегодня Эдгар подорвал мое доверие.

– Хорошо, вам решать, – киваю. Верка бы сказала, что я Святая Елизавета. Ко мне грязно приставали, а я чувствую себя виновной.

– Поужинаем?

– Нет, спасибо, я очень устала, – мотаю головой. Ничего страшного не произошло, но я эмоционально выжата, будто что-то давит на меня, хочется плакать. Хочется горячего чая с медом, снять чертовы туфли и одежду, хочется в плед, обнять себя и сидеть в тишине.

– Я хотел бы провести этот вечер с тобой.

Вспыхиваю.

Я не готова.

Нет. Нет. Нет.

Только не сегодня.

Я совсем не готова к близости. Я боюсь, я не хочу, я вообще не предрасположена к этому сейчас. Меня накрывает паникой. Нет, я не маленькая и прекрасно понимаю, к чему ведут отношения с взрослым мужчиной, но...

– Озвучь все, что так громко вертится в твоей голове.

– Я не готова, – не могу лгать этому мужчине, мне кажется, что он и так все знает, просто ждет, когда я озвучу.

– Не готова к чему?

– К близости, – уже шепчу и отворачиваюсь к окну. Пауза. Тишина. Я его разочаровала? Боже, пусть уже опустит меня домой.

– Поверь мне, Елизавета, если бы я захотел тебя взять, я бы сделал это без твоего разрешения. – Резко оборачиваюсь к Роману, распахивая глаза. – Нет, это не то, о чем ты подумала. Ты бы отдалась сама, – самоуверенно заявляет он. Самое отвратительное, что он прав. Так и есть, рядом с ними я сама не своя, словно попадаю под гипноз. – А сейчас я просто приглашаю тебя отдохнуть. Сауна, массаж, бассейн и приятный вечер без намёка на продолжение. Ты устала и перепугана. И мы едем отдыхать, – не спрашивает, ставит перед фактом.

Отворачиваясь от меня, набирает чей-то номер и разговаривает по работе. Снова отворачиваюсь к окну и смотрю на город в сумерках. Я цветы хотела забрать домой. Они были красивые. А за выходные в офисе они погибнут. Жаль.

Я даже не понимаю, как называется это заведение. Ка-

кой-то элитный комплекс для отдыха. Огромное фойе, где нас встречает девушка и быстро провожает в отдельную комнату. Нет, это не комната. Это сауна, большой бассейн и место для отдыха с диванами. Тут же массажные столы, релакс-музыка и приглушенный свет. Девушка приносит нам халаты, тапочки и полотенца. Я только сейчас понимаю, что в сауну и бассейн нужно идти в купальнике, которого у меня нет.

– Роман, – шепчу, пока девушка рассказывает о видах массажа и спа-процедурах. Он наклоняется ко мне. – У меня нет купальника.

– Позвольте вмешаться, – встревает девушка. – У нас можно приобрести купальник из линейки новых моделей. Если интересно, пройдемте за мной, – взмахивает рукой в сторону выхода. Роман одобрительно кивает, подталкивая меня.

И вроде бы это место предназначено для отдыха и расслабления, а я напрягаюсь еще больше. С этим мужчиной сложно расслабиться.

Глава 14

Елизавета

Выбираю самый скромный и закрытый белый купальник. И все равно чувствую себя голой. Слишком облегает фигуру, вырез на груди большой. Нет, у меня дома есть отдельный купальник, и он более открытый. Никогда не стеснялась в бассейне или на пляже, но там на меня не смотрел Калинин.

Собираю волосы повыше, девушка подает мне халат, закутываюсь, завязывая пояс плотнее, и иду к Роману.

Он тоже уже переодет в черный халат, сидит на диване, откинув голову на спинку. Руки вытянуты по спинке, глаза закрыты, дышит размеренно, будто спит. Тихо иду к дивану, рассматривая его, халат немного распахнут на груди. Сглаживаю. Встаю рядом, не зная, куда себя девать. В офисе все было гораздо проще. Здесь более интимная обстановка. Дышу. Он сказал, просто отдохнем, и у меня нет поводов не доверять этому человеку.

Калинин открывает глаза, поднимает голову, осматривая меня, расслаблен, можно сказать, такой же уставший, как и я.

Встаёт с места, идет на меня. Отступаю. Холодно ухмыляется, берет меня за руку и ведет за собой в сторону сауны. Мне кажется, мое сердце колотится так громко, что отдает эхом по комнате, ладони потеют, глотаю воздух, такой эффект производит на меня близость этого мужчины.

Он отпускает меня, снимает халат, оставаясь в боксерах, и я резко отворачиваюсь.

– Расслабься, – спокойно произносит он. – Сказал же, не трону. Снимай халат, пошли погреемся.

Преодолеваю себя, поворачиваюсь, но все равно стараюсь не смотреть на обнажённого мужчину. Развязываю халат, медлю. Роман втягивает воздух, протягивает руки и резко скидывает халат с моих плеч.

– Ты никогда не решишься, – с сарказмом комментирует он. Помогает мне избавиться от халата, вешая его на вешалку, открывает дверь и пропускает меня в сауну. Быстро захожу и сажусь на деревянную скамейку. Калинин садится рядом, совсем близко, также раскидывает руки и запрокидывает голову.

– Прелестный купальник, тебе идет белый цвет, – произносит он. Сжимаюсь.

– Спасибо.

– Посмотри на меня, – требует, не поднимая головы. Поворачиваюсь. Тело у него подтянутое, сильное, по-мужски привлекательное, даже широкий шрам на плече не отталкивает. – Прикоснись.

– Что? – не понимаю.

Роман поднимает голову, хватает меня за запястье и сильно прижимает мою руку к своей груди. Кожа у него горячая, сердце, в отличие от моего, бьется размеренно.

– Вот видишь, от прикосновения ничего не происходит.

От того, что ты смотришь на меня, тоже. Я обычный человек, – отпускает мою ладонь, и я по инерции веду ладонью по его груди. Внутри все переворачивается и сжимается, такое незнакомое чувство... Влечет, будоражит и ноет. Отнимаю ладонь, сжимаю пальцы. Калинин внимательно за мной наблюдает, и я вспыхиваю от того, что он считывает все мои эмоции.

Мужчина наклоняется и целует меня в плечо.

– Расслабься, у тебя прекрасная фигура и нежная кожа, я наслаждаюсь тобой ментально, мне нравится смотреть. Пока мне достаточно эстетического удовольствия, – понижает голос и вновь откидывает голову, прикрывая глаза.

В сауне слишком жарко. Очень жарко... Дыхание сбивается.

– Если женщина не может расслабиться рядом с мужчиной, значит, она ему не доверяет. Почему ты мне не доверяешь? – спокойно спрашивает он.

– Я не знаю. Все стремительно... И вы...

– С этого момента я запрещаю тебе обращаться ко мне на «вы»! – перебивает он меня. – Не можешь преодолеть этот барьер – я его сломаю, – категоричен.

– Хорошо, – соглашаюсь. Действительно глупо выкатать Роману. – Мне сложно преодолеть барьер, потому что вы... Ты. Очень закрыт и холоден.

– Я всегда такой, стоит привыкнуть, и станет легче. Все, что захочу открыть тебе, я открою, остальное останется при

мне. Не люблю много разговаривать. Предпочитаю действия.

Смотрю на Романа, уже не стесняясь, но только потому, что он этого не видит. Капельки пота стекают по его сильным рукам и груди. От глубокого дыхания его мышцы перекачиваются.

Голова кружится. Дыхание спирает.

– Что-то мне нехорошо здесь. Можно я выйду?

Он встаёт, подает мне руку и выводит из сауны.

– Пошли в джакузи, там термальная вода, – указывает вперед на огромную джакузи, которую я приняла за бассейн.

Он больше не касается меня. Мы садимся друг напротив друга и просто наслаждаемся водой.

Хорошо.

Действительно расслабляет. Плыву, чувствуя, как тело обволакивает тёплая вода, приятно массируя. Это маленький рай. Боль, усталость в ногах, напряжение в спине и шее снимает. Мы молчим. Но слова вообще лишние, фоном играет расслабляющая музыка. Роман периодически открывает глаза и трогает меня взглядом; кажется, только он так умеет. Я чувствую каждое его «прикосновение».

После приходит девушка-массажистка. Калинин надевает халат и уходит за стол, где ему подают чай, фрукты, мед и какие-то джемы. Нет отдельного помещения для массажа, только зона с аромасвечами. Ложусь на кушетку и только потом стягиваю верх купальника, прижимаясь грудью к поверхности. Сглатываю. Я не вижу Романа, но понимаю, что

он смотрит. Чувствую. Снова натягиваюсь, как струна. Но как только руки массажиста прикасаются к моей спине, я забываю обо всем.

– У девушки сидячая работа, проработайте шейно-воротниковую зону, поясницу и ноги, – со знанием дела распоряжается Роман.

Я в раю.

Стыдно признаться, но я впервые на профессиональном массаже. И, кажется, многое потеряла.

Я настолько расслаблена и удовлетворена вечером, что засыпаю по дороге домой. Меня просто отключает. Никогда не чувствовала себя так хорошо и легко рядом с Калининым.

– Елизавета, – меня будит голос Романа. – Приехали.

Открываю глаза и понимаю, что моя голова лежит на его плече. Быстро поднимаюсь, моргаю. Мужчина тянет ко мне руку, убирая выпавшую прядь волос за ухо.

– Твои планы на выходные?

– Завтра, я договорилась с Валерией Владимировной пойти за покупками.

Кивает, словно для него это не новость.

– Выбери платье – вечером мы идем на деловой ужин.

– Я не уверена, что смогу поддержать...

– Елизавета, не нужно анализировать. Если я приглашаю, значит, я уверен. И моей уверенности достаточно, будь просто красивой и вежливой.

– Хорошо, – киваю.

– Доброй ночи, Елизавета, – целует мою руку и отпускает.

Домой возвращаюсь довольная и уверенная в себе. Просто так, ради интима, ни один мужчина не будет звать девушку на ужин, представлять партнерам и друзьям. Значит, все серьёзно.

***

Утро начинается с громкого стука в дверь. А хотелось выспаться. Мы никого не приглашали и никого не ждем. Вере все равно, она ложится под утро и спит, как убитая. Ее и пушкой сейчас не разбудишь. А у меня всегда был чуткий сон, я просыпаюсь от любого шороха.

Накрываюсь одеялом с головой, но стук усиливается, словно дверь пытаются вышибить. Проклинаю раннего визитёра. Кое-как поднимаюсь с дивана, натягиваю халат, тапочки и бреду в прихожую. Заглядываю в глазок. Анастасия Андреевна, хозяйка нашей квартиры.

Пока открываю замки, считаю дни. До квартплаты еще две недели, коммуналку мы тоже оплатили. Хозяйка особо никогда нас не контролировала, главное, чтобы вовремя платили. Странно.

– Доброе утро Анастасия Андреевна, – натягиваю улыбку, пропуская ее в квартиру.

– Для вас недоброе, – бурчит женщина, снимая куртку и обувь.

– Что-то случилось? – сон как рукой снимает.

– Да, вы съезжаете! – заявляет женщина, бесцеремонно

проходит на кухню и открывает окно. – Обои заляпали. Девочки, называется, – недовольно ворчит и открывает наши шкафы. – Хлама сколько! Ну что стоишь? Собирайтесь, время идет, к обеду квартира должна быть свободна! Я помогу вам, – сгребает с полок нашу посуду, выставляя ее на стол. А я в ступоре.

– Как съезжаем? Куда?

– Ну откуда я знаю куда? Решайте и быстрее.

– Не понимаю, почему вы не предупредили? – я настолько растеряна, что прекращаю соображать.

– Я не обязана предупреждать! – повышает голос женщина.

Я не переносу, когда на меня повышают голос. Не могу отвечать хамством на хамство. Теряюсь от людской агрессии и невежества.

– Что здесь происходит? – из комнаты выходит заспанная Вера.

– Что непонятно? Я вас выселяю! – фыркает Анастасия Андреевна.

– По какому праву?! – подруга повышает голос. Всегда завидовала ее характеру, она у меня пробивная. Мой отец воспитывал меня по-другому. Я была для него принцессой. Он говорил, что девочки должны вести себя как настоящий леди. А потом он умер, и на меня обрушился реальный мир. – У нас заплачено еще за две недели. Вот через две недели мы и съедем! – заявляет Вера холодным тоном.

– Вот ваши деньги за две недели, – женщина кидает на стол мятые купюры. – Освободите помещение, иначе вызову полицию! – кричит она и по-хозяйски ставит чайник.

– Вызывайте. Я докажу, что вы неправы! Вы должны были нас предупредить, – начинает злиться Вера, дёргаю ее за руку, чтобы еще больше не злила Анастасию Андреевну, иначе мы останемся на улице, потому что денег на новую квартиру у нас не хватит. Да и не найдем мы жилье за несколько часов. Если только очень дорогое.

– Ничего ты не докажешь. Документы на квартиру у меня, я вас еще в самовольном заселении обвиню. Ишь ты, умная какая! Собирайте шмотки и вымётывайтесь!

Мне хочется закрыть уши от ее криков.

– А я заявлю, что вы сдавали квартиру незаконно! Обходя налоги!

– Ах, вот как вы запели! А прикидывались скромными девочками! Ничего у вас не выйдет. Участковый – мой племянник, и я сама сейчас его вызову, чтобы дал вам пинка под зад!

Женщина начинает копаться в телефоне.

– Все вам вернется, Анастасия Андреевна. Карма – она штука такая! – кидает ей Вера и уходит в комнату. А я бегу за ней. В голове полная каша, по факту мы остаемся на улице.

– А ты меня не пугай, – усмехается женщина. – У вас час на сборы. А я здесь посижу, понаблюдаю, чтобы ничего лишнего не прихватили.

– Да пошла ты! – со злостью кидает ей Вера и вынимает из шкафа наши чемоданы.

Глава 15

Елизавета

Мы с Веркой молча собираем чемоданы. Вещей оказывается больше, чем когда мы сюда заезжали. Сумок не хватает, и подруга заворачивает постельное белье в пододеяльник. Еще коробки с продуктами и посудой, ванные принадлежности, обувь. Все это в большой куче в коридоре. Хозяйка квартиры пьёт наш кофе, постоянно с кем-то болтает по телефону и курит неприятно пахнущие сигареты, задымляя квартиру и вызывая у меня приступы кашля.

– Куда мы это все денем? – шепотом спрашиваю у Веры.

– Закинем к Димке, думаю, он не откажет, – вздыхает она.

– А мы куда?

– Не знаю... – так же растерянно отвечает подруга. – Может, комнату удастся снять. А там решим.

Киваю. Это правильно. До зарплаты дотянем, а там решим. На душе тяжело. Неприятно это все. А главное очень неожиданно. Никогда не думала, что Анастасия Андреевна способна так себя повести. Она уверяла, что квартиранты ей нужны на длительный срок.

Где-то звонит мой телефон, долго не могу его найти в этом хаосе, но, когда я его нахожу, звонок обрывается.

Это Калинин. Не перезваниваю. Не хочу ему жаловаться. Я не привыкла, что кто-то решает мои проблемы. Поэтому

лучше людям о них не знать. Телефон снова оживает в моих руках, не отвечать – невежливо.

– Алло.

– Доброе утро, Елизавета.

– Доброе.

– Я заеду за тобой к семи вечера. Будь готова.

– Ммм... – не могу быстро сообразить, как сказать, что мне сейчас не до ужинов.

– Елизавета? – приводит меня в себя.

– Простите... – запинаясь, мне тяжело дается переход на «ты». – Прости, я не смогу пойти на ужин.

– В чем проблема?

– Мы переезжаем.

– Куда?

– Пока не знаю...

– В смысле? – тон становится холоднее. – Подробнее, что случилось? – голос становится резче, требовательнее.

– Все хорошо, просто неожиданный переезд.

– Время идет, вам еще убирать тут за собой! – кричит из кухни хозяйка. Прикрываю телефон рукой, уходя в ванную.

– Прости, мне некогда разговаривать. Мне очень неудобно, но ужин посетить я не смогу, – скидываю звонок, потому что Вера начинает ругаться с хозяйкой. Становится стыдно перед Романом. Так поступать некрасиво. Но в данный момент я не могу поступить по-другому.

– Сами уберётесь! – огрызается Вера.

– С какой стати я должна убирать за вами!

– Ну квартира же ВАША! – выделяет последнее слово. – Стало быть, и убирать тоже вам. А мы вообще здесь никто.

– А ты не кричи на меня!

– Хватит! – не выдерживаю я. – Прекратите ругаться! – Я уберусь, как только мы вынесем вещи.

– Только попробуй! – шипит мне Вера.

Димка на работе. Уговариваем его маму оставить наши сумки и коробки. Переодеваемся в спортивные костюмы и выходим на улицу. Сегодня по-осеннему тепло. Заходим в ближайшую кофейню, берем пару капучино, садимся за столик и открываем объявления в поисках комнаты.

Все, на что у нас хватает денег, находится в не очень хороших районах, где-то на отшибе. Ищем на другом сайте, не теряя надежды. Откуда такие цены?

– Если мы ничего не найдем, придётся позвонить отцу, – вздыхает подруга. С папой у Веры очень сложные отношения, но он может помочь. Но Вера поклялась никогда у него ничего не просить. И я ее понимаю. Ей есть за что ненавидеть отца.

– Мы обязательно найдем, – подбадриваю ее, хотя надежда тает с каждым новым объявлением.

– Елизавета! – вздрагиваю, когда неожиданно слышу позади себя голос Калинина. Вера поднимает голову и с интересом рассматривает мужчину.

– Добрый день, – кивает она. Оборачиваюсь. Он, как все-

гда, собран и статен. Смотрит на меня свысока, сводя брови. Надо поздороваться, но я в ступоре хлопаю глазами.

Как он нас нашел?

– В двух словах, что происходит? – тон требовательный.

– Нас неожиданно выселили, мы ищем жилье, – отвечаю я. Роман берет со стола наш планшет, с минуту рассматривает варианты комнат в общежитии и отдает планшет мне. Я в растерянности, а Верка начинает хитро улыбаться, наблюдая.

– Вера, – протягивает руку подруга. Блин, надо было их познакомить.

– Роман, – пожимает ей руку, кивая, жестом подзывает официанта, расплачивается за кофе.

– За мной, в машину, – командует он, берет меня за руку, помогая подняться, и ждет, когда встанет Вера.

– Ого, даже так, – усмехается подруга и идет за нами.

– Роман...

Он сжимает мою ладонь сильнее и ведет за собой. Калинин открывает дверь машины и ждёт, когда мы с Верой сядем. Сам садится вперед, и машина трогается.

– В «Лазурный», – велит водителю, а мы с Верой удивлённо переглядываемся.

«Лазурный» – это элитный жилой комплекс со своей охраной и инфраструктурой внутри. Квартиры там по заоблачным ценам. В моей голове пляшут мысли, наслаиваясь одна на другую, и никак не могут собраться воедино. Но одно я

понимаю точно. Мне очень тревожно, словно жизнь поворачивается на триста шестьдесят градусов, а я не готова к таким поворотам.

Машина паркуется в подземном гараже, Калинин открывает для нас дверь, ждет, когда мы выйдем, и пропускает вперёд, указывая на лифт. Поднимаемся молча, я смотрю куда угодно, только ни на Калинина, Вера не прекращает хитро улыбаться, рассматривая нас.

Лифт останавливается на девятом этаже, мы подходим к двери. Вместо замка код, впервые такое вижу. Роман вводит несколько цифр, и дверь открывается. Он пропускает нас вперёд, запинаясь.

Пахнет стерильностью. Пока мы с Верой разуваемся, Роман проходит в комнату прямо в обуви и пальто. Идём за ним. Замираю на пороге большой гостиной с высокими потолками. Мне стыдно, оттого что я осматриваюсь с открытым ртом. Такие квартиры я видела разве что только по телевизору. Это пентхаус. На второй этаж ведет красивая черная лестница с подсветкой на ступеньках. В гостиной минимум мебели, огромный телевизор на стене, стеклянный журнальный столик. Пушистый ковёр, огромные окна, необычное волнообразное кресло возле окна и пара необычных напольных светильников. И много-много не заполнено пространства. Стены бежевые и черный глянцевый потолок как зеркало.

– На первом этаже есть санузел, кухня, прачечная и кух-

ня, – поясняет нам Роман. – На втором – спальни и ваннные комнаты. Постельное белье и полотенца в шкафах в прачечной. Пароль от вайфай и код от двери – вот, – указывает на ламинированную карточку на журнальном столике. Водитель в твоём распоряжении, он привезет продукты и ваши вещи.

– Роман... – растерянно оглядываюсь. – Мы не потянем такую квартиру.

– Не нужно ничего тянуть, – с недовольством произносит он.

– Роман... – как заведенная повторяю его имя.

– Не обсуждается, Елизавета. Моя женщина не будет скитаться по обшарпанными квартирам.

Вспыхиваю.

Моя женщина...

Я в прострации, смотрю в его глаза и кусаю губы. Если мужчина обеспечивает женщину, то он ждет от нее соответствующей отдачи...

– Вечер в силе. Платье доставят много позже. В шесть будь готова! – четко проговаривает он и идет на выход.

Бегу за ним в прихожую.

– Спасибо, но мы можем только пожить здесь, пока не найдем подходящее жилье...

Он хочет что-то сказать, но его прерывает телефонный звонок.

– Да, слушаю, – отвечает, а сам берет меня за руку и отри-

цательно качает головой. Целует мою руку. Каждый его поцелуй как ожог, я чувствую его ещё несколько часов. Уходит. Запирая дверь.

Медленно бреду в гостиную, но Веры уже там нет. Слышу шум со стороны кухни. Иду туда. Подруга открывает шкафы, с любопытством все осматривая. Она находит кофе и ловко засыпает его в кофемашину. Я даже не знаю, как подойти к этой штуке.

– М-да, – усмехается она. – Шикарный мужик. Теперь понимаю, почему ты поплыла. Такому нереально отказать.

Сажусь за стойку с мраморной столешницей и наблюдаю, как Вера находит чашки под кофе.

– Вер, ну ты же понимаешь, что, принимая от мужчины такие жесты, придется расплачиваться. Все отношения, неважно насколько на них затрачивается мужчина, требуют отдачи. Ты либо к ним готова, либо нет.

Киваю. Я понимаю. Но пока этот барьер нужно ломать.

– Что я могу тебе сказать... – подруга делает паузу, подставляя чашки под рожок кофемашины. – По господину Калинин видно, что руководить и диктовать всегда будет он. Это не очень хорошо. Но тебе как раз подходит такой формат. Он все решает, ты просто красивая. Ты слишком уязвимая для этого мира, тебе нужна такая стена и тот, кто будет решать за тебя. Но тебе нужно быть хитрее и держать его на расстоянии, полностью не расковываясь. Чтобы он не потерял интерес. Иначе... будет очень больно, ты не переживёшь.

В такие отношения либо в омут с головой, либо бежать.

– Ох, – прячу лицо в ладонях. – Плохо, что дистанции устанавливает он.

– Я поживу с тобой здесь, пока не найду жилье. Поддержу тебя.

– В смысле? Ты оставишь меня одну? – резко поднимаю голову.

– Лиза, я здесь лишняя. Все эти красивые и дорогие жесты в твою сторону. Я здесь лишняя. Это квартира Калинина, и, заселяя тебя сюда, он дает себе право заявляться, когда хочет.

Глава 16

Роман

– Необязательно со мной обедать по выходным. Так себе ритуал, – произносит Марина, нанизывая на вилку спаржу. – Я тебе прощаю эти долги.

– Я всегда делаю только то, что хочу. Сейчас я хочу пообедать с тобой, – спокойно отвечаю ей. Эмоций на ее колкости давно нет. Я научился с ними справляться.

– Лукавишь, ты никогда не делал то, что хотел. Тебе только кажется, что ты хозяин своих желаний. На самом деле тобой руководят, – Марина отпивает вина и ухмыляется.

– И кто же мной руководит? – пробую вегетарианскую пасту с грибами. Довольно неплохо. Марина не ест мясо. В нашем доме для нее готовит специально нанятый мной лучший повар.

– Жажда власти, денег, алчность, цинизм, похоть и азарт, – поясняет она и играет длинной серёжкой. Она всегда любила украшения. И я дарил только эксклюзивные. В единственном экземпляре. Ее коллекция стоит состояния. Несмотря на замысловато повязанный платок и шрамы на правом виске, щеке и скуле, сегодня она выглядит хорошо. Агрессивная кошка. Кусается. Ей идёт. – Избавься от этого всего и ты поймешь, что совершенно пуст... Но, помимо всего перечисленного, ты целеустремлённый, упертый, тще-

славный и амбициозный... И никогда не признаешь чужую правду. Есть только одно правильное мнение. Твое.

– Приятно познакомиться, – ухмыляюсь, допивая вино. – Как хорошо ты меня знаешь.

– Я предпочла бы не знать тебя.

Стискиваю зубы. Не комментирую.

– Когда назначена очередная операция? – интересуюсь, чтобы сменить тему. На самом деле я давно знаю дату.

– Не будет больше операций. Я отказалась.

– Марина... – глубже втягиваю воздух.

– Что Марина?! – повышает голос. – Каждая последующая операция отнимает у меня здоровье, мне все тяжелее и тяжелее переносить наркоз. Не говоря уже о том, что каждое оперативное вмешательство может стать фатальным. Предпочитаю остаться такой, как есть, чем умереть красивой.

– Я поддержу любое твоё решение, но... дата пока останется в силе.

У Марины очень переменчивое настроение. Последнее время она живет всплесками. Из крайности в крайность.

– Ты, как всегда, слышишь только себя, мой господин. Мне остаётся только жить по твоим правилам.

– Прекрати! – голос срывается. Но я пока держу себя в руках. Марина выпрашивает. Она ждет моего срыва. Когда теряешь вкус к материальным ценностям, начинаешь питаться эмоциями.

– А что такое? Помнится, тебе всегда нравилась демон-

страция власти в отношениях. Или вкусы поменялись? Ударился в извращения от пресыщенности?

– Да, предпочитаю садизм, и, если не хочешь испытать мои вкусы на себе, закрой рот.

Смеётся, наливает себе ещё вина.

Встаю из-за стола, иду в кабинет, беру папку и возвращаюсь в столовую. Кидаю папку на стол.

– Что это? – приподнимает брови.

– Документы на владение дизайнерской мастерской, на твое имя. Оборудование, материалы – все закуплено, не рискнул нанимать персонал, решил оставить это тебе.

– Зачем это все? Я не просила, – отталкивает от себя папку и наливает себе еще вина.

– Мне кажется, ты засиделась, и тебе это необходимо, – посматриваю на бокал в ее руках, слишком много алкоголя для обеда.

– Тебе кажется. Не нравится, что сижу на твоей шее? – провоцирует. – Отпусти меня.

– Нет! Не хочешь ничем заниматься – не занимайся, мастерская твоя; делай, что хочешь. Можешь сжечь ее, если это доставит тебе удовольствие.

– Как щедро ты бросаешься словами! «Делай, что хочешь». Эм... – вновь пьет. Хочется взять ее за шею и встряхнуть хорошенько. Но я поклялся никогда ее больше не трогать. – Только делаю я все, что хочешь ты...

– И это останется неизменно... – бросаю ей и иду на вы-

ход. Оборачиваюсь. – И прекрати пить, иначе ограничений станет больше!

Выхожу из дома, дергаю ворот рубашки, отрывая верхние пуговицы, дышу, глотая воздух, а надышаться не могу. Невидимая удавка затягивается на шее все сильнее и сильнее. Тело напрягается до предела, набирая обороты, и мне срочно нужен выплеск негативных эмоций. Марина права, я несвободен. Держу себя в стальных рамках. Научился контролировать себя настолько, что порой самому страшно от своей бездушности. Но по-другому мне нельзя.

Внутри все больше и больше копится ярость, выворачивая наизнанку. Хочется разнести все к чертовой матери, но я глубоко дышу, глотая эмоции. Иду к машине, по пути набирая Валерию.

– Да, – лениво отвечает она.

– Ты где?

– Я на маникюре.

– Точный адрес! – рычу в трубку.

– Якунина, десять, салон «Миллениум», – четко отвечает Валерия. Она понимает, что в таком состоянии со мной лучше не спорить. Научилась улавливать мои интонации.

– Заканчивай, через десять минут подъеду, – скидываю звонок, сажусь в машину. Называю водителю адрес и откидываю голову на сиденье, прикрывая глаза.

Валерия уже ждет меня на крыльце. Умница. Водитель открывает ей дверь, и она быстро садится рядом. Молчит, изу-

чая мое состояние без вопросов. Она давно научилась считывать меня без слов, и я ценю это качество. Я воспитывал ее около года.

– Андрей, иди пообедай, – протягиваю водителю купюру, наблюдая, как он молча выходит. Валерия перекидывает свое пальто на переднее сиденье и сползает на колени, благо моя машина просторная и позволяет такие манёвры. Наблюдаю, как она хватается мой ремень, расстёгивая. Нет, я хочу намного жёстче, чем она мне может предложить. Мне так надо, иначе, если не выплесну негатив, то не смогу быть адекватным и сдержанным.

– Рот открой! – Послушная, исполняет. Вынимаю презерватив и вкладываю ей в зубы. – Давай быстрее, – тороплю, меня сводит от адской волны животной похоти. – И на колени на сиденье...

***

Валерия курит ментоловые сигареты, выпуская дым в приоткрытое окно. Немного растрепана, блузка помята, помада размазана. Она прикрывает глаза и глубоко затягивается. А я дышу, восстанавливая дыхание, откинувшись на спинку сиденья. Меня отпустило, можно надевать маску безразличия и легкого пренебрежения к этому миру.

– Как прошло заселение? – интересуется Валерия. – Не сопротивлялась?

– Сопротивление бесполезно. Мы перешли на новый уровень, где решаю я, а она принимает.

– Быстро сдалась, – усмехается Валерия. – А инцидент с Эдгаром? Это не твоих рук дело? – выкидывает окурок, начиная приводить себя в порядок.

– Нет, но... – тоже поднимаюсь, застегивая рубашку. – Но я сыграл на его слабостях. А он, идиот, не смог устоять. У меня нашелся повод его устранить.

– Говорила я старому дураку, что его погубят девочки, – смеётся Валерия.

– Ты платье отправила?

– Да, – посматривает на наручные часы, – через полчаса курьер доставит.

– Хорошо. Свободна.

– Ты все-таки мерзавец. Использовал женщину и выпроваживаешь, – усмехается она. – Никакой романтики.

– Только ты не начинай всю эту романтическую лирику, меня уже тошнит от нее.

– Ну, а как ты хотел? Хорошие, уязвимые девочки, воспитанные на сказках, требуют душевных вложений.

– Надеюсь, мои вложения окупятся... Не люблю играть впустую.

Валерия надевает пальто и выходит из машины. Звоню водителю, чтобы вернулся.

Набираю Мирона.

– Добрый день, информация по северянам у тебя на почте, – отчитывается он по потенциальному партнёру, с которым я сегодня ужинаю. Мне нужно это направление.

– Хорошо. Слабости?

– Банально – алкоголь. Пару раз вытаскивали из жестких запоев в израильской клинике, естественно, все конфиденциально. Для общественности: он лечил язву. Жена – бывшая балерина, в данный момент хореограф, некая дама не первой свежести, с манерами герцогини, но крепко держит мужа за причинные места, – ухмыляется Мирон.

– Понятно. Это все?

– Пока да. Пробиваю сына, похоже, у него были проблемы с законом, хотя все грамотно замазали, но это пока недостоверная инфа.

– Ясно, работай, – скидываю завозок. – Значит, супруга у нас «серый кардинал». Ну на вашу герцогиню у нас найдется своя леди из восемнадцатого века. Умеешь ли ты, Елизавета, очаровывать престарелых аристократок? Думаю, да.

Глава 17

Елизавета

На мне снова изумительное платье. И, если верить Вере, еще и очень дорогое. Мне нравится. Это что-то утонченное, нежное и очень красивое. Приятно, когда у мужчины хороший вкус, который совпадает с моим.

Снова смотрю на себя в зеркало, и сердце замирает. Персиковое платье в греческом стиле, длинное в пол. Сидит идеально по фигуре. Туфли в тон, на этот раз на очень устойчивом каблуке. Вера заплела мне французскую косу, перекинув ее на плечо. Никогда не чувствовала себя настолько красивой.

Время идет, Калинин вот-вот приедет, а я все стою у зеркала, рассматривая себя. Волнительно. Настолько, что внутри все сжимается. Я в восторге и одновременно в смятении.

– Лиз, за тобой пришли, – сообщает мне Вера. Выхожу в гостиную с колотящимся сердцем, в ожидании увидеть Романа, но его нет. Оглядываюсь на подругу. – Там, в коридоре, – указывает рукой. – Как я поняла, это водитель или охранник.

Киваю и почему-то разочаровываюсь. Не знаю, что со мной, мне хотелось, чтобы за мной пришел именно Роман.

– Так, не подпускай его слишком близко, – подмигивает мне Вера. – Сразу звони, если что.

Киваю ей и выхожу в прихожую. Здравуюсь с водителем, надеваю пальто, боковым зрением улавливаю, как парень меня откровенно рассматривает. Поворачиваюсь, и он тут же отводит взгляд.

Выходим. Этот парень уже стал моей тенью, он везде меня сопровождает: на работу, с работы, до машины. С нами в лифт заходит мужчина, здороваюсь. Я так привыкла. Живем в одном доме, значит, соседи. Но мужчина не обращает на меня внимания, словно я стена. Отворачиваюсь. Я совсем забыла, что чем больше денег и статуса, тем меньше души...

Выходим на улицу, ветрено, надеваю капюшон пальто, чтобы не испортить прическу. Мне открывают дверь, и я сажусь рядом с Романом.

– Добрый вечер, – снимаю капюшон, тут же окунаясь в его холодный запах. Задерживаю дыхание на вдохе, поскольку он оборачивается, рассматривая меня. Мужчина, как всегда, идеален. Костюм словно только что с витрины – ни единой складочки и соринки; белая рубашка с высоким воротником, запонки. Педантичен до ужаса. Высокомерен. Из тех, кто знает о своем величии и успешно этим пользуется. Пауза затягивается, я практически не дышу, а он молчит, скользя по мне стальными глазами.

Мужчина отводит взгляд, берет небольшую коробочку, раскрывает, демонстрируя мне ювелирный набор. Цепочка в виде нити, на конце которой лилия с огромной перламутровой жемчужиной, и такие же сережки. Металл похож на се-

ребро, но гораздо светлее, боюсь предположить, что это вообще не серебро.

Красиво.

Очень...

И дорого. Не нужно быть экспертом, чтобы это понимать.

Пока я в растерянности рассматриваю украшения, Калинин молча вынимает сережки, наклоняется ко мне и аккуратно продевает в мои уши. Сглатываю, когда он откидывает мою косу и застегивает цепочку. Поправляет лилию, укладывая на груди, задевая ее пальцами.

– Так и знал, что тебе пойдет жемчуг и белое золото, – говорит он, отстраняясь, садится ровно и смотрит вперед.

– Спасибо, это очень красиво. Но я не могу это принять... – мне сложно ему отказывать, поскольку Калинин не принимает возражений и доводов.

– Обоснования? – холодно интересуется он, продолжая смотреть вперед. – Почему нет?

Еще сложнее объяснить, почему нет.

– Потому что это слишком дорого.

– Ты знаешь цену этим украшениям?

– Нет, но я предполагаю...

– Елизавета, давай ты усвоишь еще одно правило. Я даю тебе все, что хочу, ты принимаешь без возражений.

– Но я не могу...

– Все, что мне нужно от тебя взамен, я и так возьму, – самоуверенно, холодно ухмыляясь, говорит он. – Невзирая

на красивые безделушки.

– Спасибо, – отворачиваюсь к окну, прикасаясь кончиками пальцев к лилии на груди. Подарки всегда приятны. Дорогие подарки вдвойне приятны. Но этот подарок меня не радует, от него тревожно. Слишком много мне дает Калинин и практически ничего не требует. Я так не могу...

Роман не спешит со мной разговаривать и в чем-то переубеждать, всю дорогу мы едем в полной тишине. Машина останавливается возле ресторана при гранд-отеле. Калинин выходит, и я спешу выйти со своей стороны.

Мужчина подхватывает меня за руку и сжимает.

– Никогда больше так не делай, – спокойно говорит он и ведет ко входу.

– Что не делать?

– Не спеши выходить. Ты дожидаясь меня. Это моветон в обществе, – говорит так, словно отчитывает меня. И мне все больше и больше не по себе. Слишком сложный для меня мужчина. Или я слишком простая для него. Скорее, второе. Дышу глубже.

Мы проходим в холл, где нас встречает улыбчивая девушка. Калинин помогает мне снять пальто, подставляет руку и ведет в зал, где нас уже ожидают. Сердце ускоряет ритм. Никогда не была в таких местах. Сама не замечаю, как цепляюсь за руку Романа.

– Не переживай, просто будь собой, – наклоняясь, шепчет он мне и подводит к столу, где уже располагается пара. Муж-

чина лет шестидесяти, может, немного больше, и худощавая утонченная женщина, примерно ровесница мужчины. – Добрый вечер, – здоровается Роман.

Мужчина поднимается и пожимает ему руку.

– Это моя супруга, Эвелина Барская, – с гордостью представляет свою жену. Я улыбаюсь, а Калинин слегка пожимает руку женщине, кивает и даже улыбается, сверкая серыми глазами.

– А ваша прекрасная спутница?.. – интересуется женщина, с интересом рассматривая меня.

– Это Елизавета, – поворачивается ко мне, всматривается в глаза, топя в своем стальном взгляде. – Моя невеста, – говорит он, продолжая смотреть мне в глаза.

В первые секунды не понимаю, о чем он говорит, просто тону в этом пронзительном взгляде. До меня доходит суть сказанного, только когда женщина начинает говорить:

– Прекрасная у вас невеста. На свадьбу пригласите?

– Непременно, – отзывается Роман и отодвигает для меня мягкий стул, предлагая сесть. Сажусь в полной прострации, стараясь дышать ровно.

«Ну ты же хотела серьезности?» – кричит мне внутренний голос.

Куда серьезнее?!

Только меня никто не спросил...

Они о чем-то беседуют, рассматривая меню, а я улыбаюсь как дура и ничего не слышу. Смотрю на буквы в меню, но

перед глазами все плывет. Замуж за Калинина...

Дура!

Может, он просто так это сказал, чтобы не ставить меня в неловкое положение, а я уже мысленно стою в свадебном платье.

Смешно!

Дайте мне кто-нибудь пощёчину, чтобы я пришла в себя.

– Елизавета? – приводит меня в себя Роман.

– Да? – хлопаю ресницами, чувствуя, как он берет мою руку под столом и сжимает.

– Что ты выбрала?

Поднимаю глаза и понимаю, что меня ждет официант, который записывает заказ.

– Я... – глотаю воздух, начиная краснеть.

– Может, твою любимую семгу под соусом и теплый салат с белыми грибами? – выручает он меня.

– Да, – киваю, облегченно выдыхая.

Один официант уходит, но тут же подходит второй, наливая нам красное вино. А мне так хочется пить.

– Не против, если мы обсудим наши дела немного позже? – спрашивает мужчина. – Чтобы наши женщины не скучали.

– Да, конечно, – кивает Калинин. – Выпьем за них, – салютует бокалом. Делаю глоток вина. Вкусно. Выпиваю немного больше, чем следовало бы.

– Какая вы красивая пара, – произносит женщина. – Так

подходите друг другу. Сильный и серьезный мужчина, юная и утонченная девушка, – улыбается она, рассматривая нас. – Скажите, Елизавета, вы никогда не занимались танцами?

– Занималась в детстве, – стараюсь быть такой же раскованной, как Роман, и не выдавать волнение, но выходит плохо.

– Почему бросили? Не добились должных результатов. Травма?

– Ммм, – подбираю слова.

– Вы извините меня. Я просто хореограф, а в прошлом балерина, и отдала всю жизнь балету. А у вас образ настоящей танцовщицы, так и вижу вас в главной партии постановки «Ромео и Джульетта».

– Нет, – качаю головой, – я была не столь способна. Реальная жизнь диктует свои условия, и я выбрала другую сферу, – смотрю на Романа, не понимая, должна ли была я это говорить. Но ведь он просил быть собой. Калинин улыбается мне.

– Очень жаль, Елизавета. Но вы правы, иногда жизнь нам диктует свои условия.

Дальше мы просто ужинаем, общаясь, как старые знакомые. Точнее, говорят больше Эвелина и Роман, я лишь иногда отвечаю на поставленные вопросы, либо соглашаюсь с Калининым. Муж Эвелины тоже поддакивает ей, со всем соглашаясь. В конце ужина мужчины решают, что обсудят дела в понедельник в рабочей обстановке и перекидываются

лишь парой фраз о каких-то поставках.

– А как вы относитесь к охоте, Павел? – интересуется Роман, когда нам приносят счет.

– В общем, не против.

– Павел, не думаю, что это хорошая идея, – перебивает его жена. Сразу видно, что она главная в их паре, и на это так забавно смотреть. Взрослый мужчина тушует перед женщиной.

– Я подумаю, Роман, – с нажимом отвечает он, пытаюсь окончательно не выглядеть подкаблучником.

– Не переживайте, у нас хорошие маршруты и опытные егеря.

– Знаете, Роман, я переживаю по другому поводу, – усмеяется женщина. Ее муж допивает вино, и она недовольно морщится, посматривая на его бокал.

– Можете не озвучивать свои переживания, Эвелина, – тактично говорит Роман.

Мы прощаемся и расходимся каждый по своим машинам.

Вино меня немного расслабило, и я уже не так скованна, но из головы не выходят слова Романа о том, что я его невеста. Не могу смотреть в его сторону, боюсь, он все прочтет в моих глазах. Кусаю губы и сжимаю нежную ткань платья. Дышу. Глотаю его свежий запах, чувствуя, как кружится голова.

Машина останавливается в подземном гараже жилого комплекса, и я замираю.

– Посмотри на меня, Елизавета, – просит Роман.

Поворачиваюсь. Хорошо, что в машине полумрак и моего смятения не видно.

– Спасибо за вечер, ты была умницей.

– И тебе спасибо, – отвечаю я. – Я пойду?

– Нет, – усмехается. – Сначала озвучь все, что творится в твоей голове.

Ну, конечно, от этого мужчины ничего не скрыть.

– Ты сказал, что я твоя невеста... – не понимаю, что говорить дальше.

– И? – вынуждает меня продолжать.

– Ничего...

– Елизавета, – глубоко вдыхает. Опускаю глаза, смотря на свои руки. Его теплые пальцы берут меня за подбородок, вынуждая смотреть в глаза. – Я озвучил правду. В мои планы входит женитьба. Тебя не устраивает статус моей невесты?

– Нет... Да... То есть... – совершенно теряюсь.

Роман наклоняется, прислоняется губами к моему уху и выдыхает. Мурашки по коже, головокружение усиливается, закрываю глаза, глубоко вдыхая.

– Переспи с этой мыслью, Елизавета. И скажи мне «да». Я занятой человек, уже не мальчишка, и мне нужна жена. Именно такая, как ты, – говорит он, целует мочку моего уха, вынуждая меня содрогнуться, и отпускает. – Андрей, проводи девушку, – распоряжается он.

Водитель тут же выходит и открывает для меня дверь. Вы-

хожу, не оглядываюсь и, словно в тумане, иду к лифту.

Глава 18

Елизавета

Роман велел переспать с этой мыслью. А я вообще не спала. Задремала только под утро и проспала почти до обеда. Проснулась, Верки уже нет. А хочется ей все рассказать и спросить совета.

Не готова я замуж.

Совсем не готова.

Если он слишком занят для ухаживаний, то я слишком консервативна в этом вопросе. Завтра мне нужно как-то выходить на работу, завтракать с Калининым, обедать и о чем-то беседовать...

«Мне нужна жена».

Все так просто у него. Как товар в магазине. Мне нужна жена, выдайте мне такую, как эта.

Выхожу из ванной и вдруг понимаю, что, несмотря на величие и антураж, мне совсем не нравится эта квартира. Первое впечатление прошло, и она кажется мне слишком большой и холодной.

Домой хочу.

К маме.

Внутри тревожно и беспокойно, словно надвигается что-то нехорошее. Какой парадокс. Я боялась несерьёзности Калинина, а нарвалась на брак.

Не знаю, как включается этот чудо-аппарат, поэтому делаю себе чай покрепче, вынимаю из холодильника творог, поливаю его медом, ем, не чувствуя вкуса, и гляжу на дождь за окном.

Слышу, как дверь открывается, и замираю. Понимаю, что это, скорее всего, Вера, но все равно напрягаюсь. У Калинина есть код, это, в конце концов, его квартира, и он имеет права явиться, когда захочет. А мне кажется, теперь у него слишком много прав на меня.

Выдыхаю, когда Вера проходит на кухню и ставит передо мной торт. Мой любимый, йогуртовый, с малиной. Улыбается. Прямо светится вся, словно выиграла в лотерею.

– Ты что, только проснулась? – интересуется она. – Вот ты соня.

– Ночью не спалось, уснула только под утро. У нас праздник? По какому поводу торт? – Верка склонна к полноте и следит за фигурой, поэтому сладости для нее – это великий праздник. Она хитро кивает и включает кофемашину, подставляя пару чашек.

Молча принимается распаковывать и резать торт.

– Вера. Рассказывай, – слегка толкаю ее в плечо.

– Я буду жить у Димки, – выдает она.

– Как?

– Он предложил. Его мама снова болеет. Нужно кому-то присматривать за Нютой.

– Вера... – глотаю воздух, не зная, что сказать. Я понимаю,

что это для нее важно. Дима ей нравится, и это ее шанс, но...
– Ты оставишь меня одну?

– Лиз, ну почему сразу одну? Мы же уже это обсуждали. Я не могу здесь жить. Но навещать буду часто. Ты только позвони, и я приду, – раскладывает торт по тарелочкам, открывает холодильник, вынимая пакет сливок. Она любит двойные сливки в кофе, поэтому всегда добавляет больше.

– Он замуж меня зовёт, – сообщаю я.

– Что? – подруга резко разворачивается, и сливки выплескиваются ей на кофту. – Черт, – ругается она, смотря на подтеки. – В смысле замуж?

– В прямом, в ближайшее время, – ложусь на руки на стол и закрываю глаза.

– Через две недели знакомства?

– Ага.

– Так, я в душ. Переоденусь и переварю эту новость. А ты подробно мне все расскажешь.

Киваю, смотря, как подруга убегает, на ходу снимая кофту. Нечего тут рассказывать, я сама ничего сообразить не могу, словно в тумане иду, а руководит мной Калинин.

В дверь звонят. Мы никого не ждем. Но я иду открывать, мало ли что. Как я поняла, попасть на территорию комплекса чужому человеку очень сложно, нужно разрешение.

Заглядываю в глазок.

Я помню этого мужчину. Он уводил меня из кабинета, когда ко мне приставал начальник. Мирон, кажется. Откры-

ваю. Высокий, внушительный брюнет лет тридцати пяти. Серьезный, спортивный, но страха, как Роман, не вызывает.

– Добрый день, – сдержанно кивает мне. – Ваши вещи привезли.

Киваю. Да, Роман обещал, что наши вещи доставят.

– Проходите, – распахиваю дверь, мужчина входит, а следом за ним два парня с нашими сумками. В какой-то сторожевой позе Мирон внимательно следит за парнями. Внимательный, кажется, от его взгляда ничего не ускользнет. Наверное, профессионал.

– Лиз, а где мой халат? – из ванной вылетает Вера, обмотанная полотенцем. И в упор не замечает посторонних, промакивая волосы вторым полотенцем. Мирон переводит на нее взгляд и ухмыляется, откровенно рассматривая.

– Ой! – вздрагивает подруга, подпрыгивая на месте, роняя полотенце, которым вытирала голову.

– Добрый день, – кивает ей мужчина и опускает взгляд на ее грудь и голые ноги. Полотенце еле прикрывает зад подруги. – Вышли! – приказывает Мирон, и парни быстро ретируются. А Вера стоит, словно вкопанная, в растерянности хлопая глазками и смотря на Мирона.

– Вер! – привожу ее в чувства.

– Извините, – отмирает она и убегает назад в ванную. Мужчина кривовато ухмыляется. Беру с дивана халат подруги и отношу в ванную.

– Еще две коробки, и мы удалимся, – поясняет он. Ки-

ваю. – Если вам что-то нужно, мы в вашем распоряжении.

– Нет, спасибо, ничего не нужно, – отрицательно качаю головой.

Верка выходит из ванной уже в халате, с влажными волосами.

– Блин, – подходит к нашим сумкам. – Уже привезли, – закусывает губы. – Не успела. Теперь назад везти.

– Если надо, отвезем назад, – предлагает Мирон, продолжая изучать ее ноги. Посмотреть там, конечно, есть на что.

– Да? Здорово, – она словно кокетничает. Но это только так кажется. Верка всегда такая. Она веселая, приветливая и немного кокетка.

Когда возвращаются парни с коробками, Мирон распоряжается отвезти вещи Веры назад.

– Ну, теперь мы просто обязаны напоить вас кофе. У нас и тортик есть. – А я распахиваю глаза и незаметно щипаю подругу за бедро.

– Не откажусь, – мужчина вроде внушительный, строгий, с выправкой военного, но внушает доверие. Хотя... Я постоянно ошибаюсь в людях.

– Прошу, – подруга указывает в сторону кухни, мужчина идет вперед, а я торможу Веру. – Всегда дружи с водителями, охранниками, консьержами и домработницами. Никогда не знаешь, когда тебе понадобится их помощь, – подмигивает мне подруга. – Очаровывай их, – шепчет и подталкивает в сторону кухни. Вера знает, о чем говорит. Она сбежала от

отца с помощью водителя и домработницы. – Вы какой кофе предпочитаете? – интересуется подруга.

– Американско.

– Кстати, я Вера, – тянет мужчине руку.

– Мирон, – пожимает ее ладонь и не отпускает несколько секунд.

– Какое необычное имя.

Все, кажется, этот серьезный мужчина поплыл. Всегда завидовала ее раскованности. Вот она точно сможет вертеть мужиками.

Мирон выпивает кофе за пять минут, отказываясь от торта, и покидает нас, оставляя свою визитку на случай, если нам что-то понадобится. Верка его провожает. А я вновь ложусь на стол и закрываю глаза. Это все, определено, сказка, но какая-то мистическая, мне непонятная.

– Лиз, Калинин серьёзно зовет тебя замуж? – тихо спрашивает Вера, обнимая меня за плечи.

– Он серьезно ставит меня перед фактом, что я его невеста, – так и не открываю глаза.

– Ставит перед фактом? – задумчиво повторяет Вера.

– Да-а-а-а, – тяну я. Всегда думала, что статус невесты – радостное событие. Оказалось, это не всегда так.

– А как же любовь, предложение, кольцо, в конце концов?

– Вот и я том же. И еще понять не могу, что я испытываю к Роману... Меня это все пугает, – признаюсь ей.

– М-да, странно. А поговорить? Объяснить, что не хочешь

торопить события?

– Калинин не принимает отказов. Я когда смотрю в его глаза и слышу его голос, превращаюсь в мышь перед удавом и сама даю согласие на съедение... – вздыхаю я.

***

Утро встречает меня хмурой погодой, тяжелым небом, морозящим дождем и точно таким же настроением. Встаю с кровати и, вместо того чтобы собраться на работу, умываюсь, чищу зубы, надеваю джинсы и толстовку, наушники в уши, старую куртку и убегаю из дома. Минут через сорок за мной должен приехать водитель, а примерно через час меня ждет ритуальный завтрак с Романом. А я не хочу... Не могу... У меня нет для него слов, я снова попаду под гипноз.

Неправильно это все.

Мне нужно проветриться и подумать.

К маме охота. Чувствую себя маленькой девочкой лет пяти, которая заблудилась в большом городе среди толпы взрослых людей.

Выхожу на улицу, включаю музыку в телефоне, надеваю капюшон толстовки, прячу руки в карманы и просто иду вперед по центральным улицам мимо витрин дорогих магазинов. Нужно собраться с мыслями и решить, что делать. Только вот мысли никак не собираются. Я словно в прострации. Руки замерзли. Холодно сегодня.

Покупаю себе стаканчик кофе с карамелью, грею об него руки и бреду дальше. На радио любимая песня, и бардак в

голове. Сама не замечаю, как проходит час, а за ним другой. И вот я уже далеко от дома, сижу в кафетерии и ковыряю вилкой в брауни. Совершенно не помню, как его заказала.

Набираю маму.

Она долго не берет, а я в каком-то отчаянье набираю ее номер еще и еще, забыв о том, что мамочка на работе.

– Да! – вдруг отвечает она.

– Мам, как у тебя дела? – тихо спрашиваю я.

– Все хорошо. Что случилось?

– Ничего не случилось, просто...

– Лиза, я слышу по голосу, что что-то не так.

– Все так мам. Просто соскучилась, очень.

– Лиза. А может, ну ее, эту столицу? Возвращайся домой.

– Мам... – поднимаю глаза и вижу, как ко мне идет Мирон. Как он меня нашел? Совпадение? Но по его строгому темному взгляду понимаю, что нет. Не совпадение. Он пришел за мной.

Глава 19

Елизавета

Только по взгляду Мирона я понимаю, что спорить не стоит, меня везут домой. Мужчина сказал всего одну фразу: «Роман Константинович хочет вас видеть». Можно было сопротивляться, но какой в этом смысл. Мне все равно рано или поздно придётся увидеть Калинина. Поэтому я еду молча, постоянно обтирая вспотевшие ладони о старые джинсы.

«Я взрослый человек и не могу бегать от Романа, как ребёнок», – повторяю себе, но легче не становится.

Подкупает его возраст, опыт, серьёзность, статность, красивые и дорогие жесты, и одновременно все это отпугивает. Закрываю глаза, дышу, пытаюсь разобраться в себе.

Выхожу из машины, меня провожает сам Мирон, словно я преступница. Сердце разрывается от аритмии, когда вхожу в квартиру, не могу здесь жить, не чувствую себя дома.

Калинин стоит спиной ко мне, смотря в окно, и разговаривает по телефону. Его пальто небрежно брошено на диван, на журнальном столике какие-то бумаги и ноутбук. Рассматриваю все, застывая посреди комнаты. Мирон становится позади меня, словно я собираюсь бежать. Мы молчим в ожидании, когда Калинин договорит и обратит на нас внимание.

– Поверьте, если я войду в ваше положение, вам не понравится! – Вдрагиваю, когда Роман повышает голос на себе-

седника, и сглатываю, когда он медленно поворачивается. – Решайте проблему, пока я даю вам шанс, – отрезает и сбрасывает звонок, заглядывает мне в глаза. Не выдерживаю, отвожу взгляд.

– Мирон, оставь нас, – отдает четкий приказ, и мужчина позади меня тут же ретируется.

Пытаюсь собраться с мыслями, стягиваю с себя куртку, поправляю волосы, а Роман продолжает молча меня рассматривать, склоняя голову.

– Роман... – пытаюсь объяснить, но он вытягивает руку, призывая молчать, и вновь отвечает на звонок.

– Да, – холодно произносит, с минуту слушая, что ему говорят. – Нет, Валерия, меня не будет ближайшие несколько часов. Реши эту проблему самостоятельно! – отключается и со звоном кидает свой телефон на стеклянный стол. – Что происходит? – сдержанно спрашивает он.

– Я не знаю... Точнее, не понимаю... – качаю головой. Отступаю, когда мужчина идет на меня. Он снимает пиджак, кидая его на диван, а я покрываюсь мурашками и ежусь. Холодно. С ним очень холодно. А так быть не должно.

– Может, чаю? – предлагаю я, ища повод избежать его близости. Не дожидаясь ответа, разворачиваюсь и почти убегаю в сторону кухни.

Ахаю, когда сильная мужская рука ловит меня, резко останавливая. Одновременно кидает и в жар, и в холод, когда он всем телом прижимает меня к стене, ставит руки по

обе стороны от моей головы, отрезая пути к отступлению. Закрываю глаза, судорожно глотая воздух.

– Чего ты боишься? – вкрадчиво спрашивает Роман, а я дрожать начинаю только от его тембра голоса. Качаю головой, сглатываю ком в горле, не в силах сказать и слова. – Елизавета, – походит на хриплый шепот, наклоняется и глубоко вдыхает у моего виска. Ноги подкашиваются от его близости и запаха. Роман перехватывает мой подбородок, вынуждая запрокинуть голову и смотреть в глаза. Страшно и одновременно сводит внутри, сладко тянет от тяжести его тела.

Мамочки...

– Отвечай, – голос совсем не холодный и бездушный, как раньше, а бархатный, сиплый, вибрирующий, и я пьянею от этого напора. Калинин требует ответов, ведет губами по моему виску, ниже, по щекам, тянется к губам. Одно прикосновение, и отстраняется. – Чего ты боишься, Елизавета? – настойчиво повторяет вопрос.

– Всего, – на выдохе произношу я. – Все очень быстро, я не готова.

– А я не готов ждать, – произносит мне в губы и целует. Не нежно, как раньше, грубо, агрессивно, больно, насилуя мои губы, словно наказывает за мою растерянность. Лишает дыхания, углубляя поцелуй, сжимает подбородок, не позволяя вырваться. Страшно признаться самой себе, но мне нравится. Это эмоции с его стороны. Впервые такие яркие эмоции. Меня словно лихорадит от этой грубой близости, хочется от-

ветить ему тем же, но Роман не позволяет.

Калинин останавливается, только когда я не выдерживаю и всхлипываю ему в губы.

– Весь твой страх – это напускное, следствие, а мне нужна причина, – произносит он и прикасается к моим волосам, пропуская их через пальцы, смотрит на мои губы, которые покалывают от его поцелуя.

– У меня никогда не было отношений... Нет, – нервно усмехаюсь, пытаюсь объяснить. – Нет, я мечтала о замужестве, о детях, но...

– Что «но»?

– Очень быстро, я пока не готова, ты словно лишаешь меня свободы и права выбора, – наконец выдаю правильную мысль.

– Все верно, – холодно усмехается, не отрицая. – Мужчина априори забирает свободу и выбор у женщины. Он помещает ее в свой мир, где дает то, что считает нужным. Но так, чтобы женщина ни в чем не нуждалась. Женщина, которая идет за мужчиной и покоряется ему, не является просто красивым дополнением. Она имеет много власти, если умеет грамотно ей распоряжаться.

Молчу, кусая губы, чувствуя, как его рука скользит по моей щеке, скулам, немного шершавые пальцы надавливают на губы, словно изучая их. Это все красивые слова, значения которых мне еще не удалось испытать.

– Признаю, что слишком давлю. Я так живу. Всегда. В бе-

шениом темпе. Промедление означает потерю времени. Времени, которого у меня нет. Попробуй поймать мой ритм, и я дам тебе все, что ты хочешь. Дом, самореализацию, семью, статус, возможности, путешествия – все, что хочешь взамен на твое «да».

От его прикосновений пробирает дрожь. Хочу закрыть глаза, чтобы почувствовать момент, но не могу, потому что его холодные, стальные, бездонные глаза не отпускают.

– Поехали! – вдруг предлагает он. Отпускает меня и быстро надевает пиджак.

– Куда? – так и стою, прислонившись к стене. Тело не слушается. Калинин, определённо, меня волнует, но не чувствую, чтобы я так же его волновала. В нем читается расчет или жизнь по правилам. По правилам бизнеса.

– Если я правильно понял, ты хочешь моего вскрытия. Тебе недостаточно материальных знаков внимания.

– Да, – киваю, он все понимает.

– Поэтому одевайся и поехали.

Еще подрагиваю от волны эмоций, натягиваю куртку. Роман берет телефон, несколько минут смотрит на дисплей, а потом отключает его, вновь швыряя на стол. Надеюсь, его айфон противоударный, иначе он уже сломан. Хотя такие люди не обращают внимания на подобные вещи.

Мы куда-то едем в полной тишине. На этот раз нас везет не водитель, а сам Мирон, кем бы он ни являлся. Роман всю дорогу смотрит вперед на дорогу. Становится тревожно, ко-

гда мы выезжаем за город, оглядываюсь на мужчину.

– Мы уже рядом, – комментирует он. Киваю. В этом плане я ему доверяю. Хотел бы он сделать со мной что-то плохое, уже сделал бы. Машина останавливается возле огромных кованых ворот на кладбище. Округляю глаза, не понимая, что происходит. Роман выходит из машины, открывает для меня дверь, подает руку и вытягивает за собой. Медлю.

– Зачем мы здесь?

– Не бойся, пошли, – тянет за собой. Иду. Сама сильнее стискивая его ладонь. Я боюсь таких мест. Мой отец умер шесть лет назад, после похорон я ни разу не была на его могиле. Не могу... тяжело понимать, что твой самый родной человек – в земле, и вокруг тысячи смертей и горя.

На входе продают живые и искусственные цветы. Роман покупает большой букет бордовых роз. И ведет меня вперед по аллее. Стараюсь не смотреть по сторонам, опускаю взгляд вниз на жухлую листву.

Мы останавливаемся возле огромного памятника, на котором изображена женщина лет пятидесяти. Милая, утонченная, задумчивая, смотрит куда-то вдаль. Такой профессиональный портрет, у женщины живые глаза, словно вот-вот вздохнет и заморгает ресницами.

Роман отпускает меня и раскладывает цветы на мраморную плиту. Он дергает ворот пальто, поднимая его выше.

Тишина.

Господи, как здесь тихо. Птицы не поют, даже ветер дует

беззвучно, ледяной, пробирает до костей, вынуждая стучать зубами. Но я молчу, не решаясь нарушить эту тишину.

– Это моя мать, – через какое-то время поясняет Роман. Стараюсь не смотреть на портрет, грустно от того, что такой красивой женщины больше нет. По датам понятно, что она умерла в пятьдесят два года.

– Она умерла десять лет назад. Нет, ее убил мой отец.

– Убил? – резко поворачиваюсь к Роману.

– Не в прямом смысле. Ее убило его отсутствие. Он погиб в автокатастрофе двенадцать лет назад. После этого совершенно здоровая женщина впала в депрессию и стала медленно угасать, намеренно убивая себя трауром.

Это все безумно печально, до слез. Ком в горле. Я хотела его чувств, но не таких. Я не хотела тревожить в нем эти воспоминания, потому что понимаю, как это больно. Мой отец всю жизнь работал на двух работах. Сколько я себя помню, он все время работал на износ. Мы жили в тесной хрущёвке, а он мечтал построить большой двухэтажный дом по своему проекту. И вот когда дом почти достроили, у него нашли неизлечимую болезнь в запущенной форме. Медицина была уже бессильна. Папа быстро ушел, так и не успев пожить в доме мечты. Мать продала особняк и до сих пор живет в хрущёвке.

– Моя мать безумно любила отца. Безоговорочно. Он был для нее на первом месте всегда и во всем. Все остальное, включая меня, потом. Она жила только отцом, она была его

частью. Это читалось в каждом ее движении. Нет, меня никто не обижал, но и ближе не подпускали. В ее сердце попросту не хватало места ни для кого. Это была, определённо, любовь с ее стороны. Безумная, безоговорочная, жертвенная. Любовь как алтарь. Фанатичная. Её сердце и душа – жертвоприношение. Мы не всегда жили хорошо. Мать из простой семьи, ее воспитывала бабушка, отец был из более состоятельной, но с амбициями. И вот пока он перегрызал всем глотки, пытаясь сколотить состояние, скитаясь по северу и Уралу, она, как жена декабриста, всегда и везде была рядом с ним. Его посадили на пару лет за финансовые махинации, и мать жила в Сургуте, поближе к зоне. Только чтобы дышать с ним одним воздухом. А меня воспитывала бабка. Не очень приятная женщина, а потому отношения у нас с ней не сложились; может, конечно, это я был неуправляемым ребенком... Не спорю, скорее всего, так. Но четко помню, как каждый день ждал мать, словно чудо. В общем, с детства я уяснил, что любовь – это самое разрушительное и губительное чувство. Я благодарен отцу, матери и бабке за прививку. Вакцину от этой самой любви. Поэтому мои чувства выражаются в материальном и во внимании. То есть в том, что я уделяю тебе дорогое для меня время. Моя рабочая минута стоит больших денег, и, когда я говорю, что ты дорого мне обходишься, это не упрек, а комплимент, – холодно ухмыляется.

Глава 20

Елизавета

А потом все понеслось, как на перемотке. Я вдруг поняла, что этого мужчину, несмотря на годы, никто и никогда не любил по-настоящему. Просто так, ни за что. Он просто не понимает, как выражать эмоции, не вкладывая деньги. Калинин многого добился и, это, определённо, вызывает уважение. Большая компания отнимает много времени, у таких людей мозг заточен только под бизнес, иначе ничего бы не вышло. И я вошла в его положение, принимая его жизнь и ритм. Ведь отношения не даются просто так, над ними нужно работать и чем-то жертвовать.

Да и Роман стал более внимательным, давая мне больше, чем раньше. Он на самом деле торопится, и это напрягает, но уже не так страшно. Да и отказать ему у меня не получается, в его руках я словно марионетка: куда он меня направит, туда я и иду.

Все это, конечно, кружит голову и лишает разума. Тело и душа предают. Его голос, запах, близость не оставляют шансов сказать нет. Да, он менее эмоциональный, холоден и слишком серьезен. Но он настоящий мужчина. Я прониклась и приняла его недостатки, надеясь их исправить. Тем более, когда мужчина прислушивается и хочет угодить.

Прошло пару недель, я по-прежнему работаю в компании

под руководством Елены Сергеевны. Вокруг уже никто не шепчется и не оглядывается. Наоборот, здороваются и улыбаются. Мы с Романом по-прежнему завтракаем и обедаем вместе, и мне нравятся в нем эти обязательные ритуалы. Нравится его внимание ко мне. Он запомнил, что я люблю ягодное варенье к блинчикам и ореховый капучино. Так же, как запомнил, что я не люблю речную рыбу и маслины. Он узнал, что мои любимые цветы – пионы и герберы, и теперь каждый день мне доставляют свежие букеты. А я уяснила, что этот мужчина нуждается в любви и терпении. Как-то Вера сказала, что в такие отношения либо в омут с головой, либо бежать. Бежать не получается, значит, нужно в омут с головой. Жизнь меняется. Перемены всегда пугают, но, если не открыться переменам, можно упустить главное.

– Эм... – Валерия задумывается, внимательно меня рассматривая. – Нет, миленькое платье, но для данного мероприятия не подходит, – недовольно качает головой.

Мы немного дружим с Валерией. Я доверяю этой женщине. У неё хороший вкус и большой опыт. Я, и правда, с периферии и ничего не смыслю в моде, особенно в мужчинах. Валерия мне очень помогает. Советами, подсказками и в общем поддержкой, раскрывая глаза на Калинина. По ее словам, если взрослый и состоятельный мужчина решил жениться, то это точно не просто так, и я с ней согласна.

– А что подходит? – осматриваю себя в зеркало. – Я хотела что-то скромное.

– Тут я с тобой согласна. Тебе пойдёт что-то светлое и нежное. Но не это. Снимай, – командует она и удаляется из примерочной. Раздеваюсь, аккуратно вешаю голубое платье на вешалку и жду, рассматривая в зеркало свою фигуру. Валерия появляется с белым кружевным платьем и помогает мне его надеть. Вроде красиво, ничего лишнего, с длинными рукавами, но слишком открыты плечи.

– Не нравится? – Валерия выгибает бровь, поправляя подол.

– Очень красиво, но... – пытаюсь подтянуть верх, чтобы прикрыть плечи, но Валерия меня одёргивает. – Не слишком?

– Это всего лишь плечи. Красиво, женственно, тебе очень идет.

– Белое... Похоже на свадебное.

– Ты невеста, не вижу ничего плохого в белом. Собираем волосы, вот так, – поднимает мои локоны, еще больше обнажая шею и плечи.

– Мне нравится, просто...

– Все, все, все, берем это, – отмахивается она. – Роману понравится. Ты всех очаруешь.

У нас помолвка. Целый прием по этому поводу. Я не хочу привлекать внимание и не хочу быть в центре внимания, но Роман настоял. Для него это важно.

Соглашаюсь с Валерией. Платье, правда, шикарное. Да и открытые плечи – это на самом деле не вульгарно. Нужно

быть смелее.

Мы покупаем платье, туфли и идем пить кофе.

Волнительно. Помолвка уже завтра. А я переживаю, словно именно сейчас выхожу замуж. Но, с другой стороны, помолвка – это всего лишь объявление официального статуса, а сама свадьба может быть когда угодно. Никто не назначал дату. Может, и правильно. Люди прекратят шептаться и начнут принимать меня всерьез.

***

И вот этот вечер настал. Я надеялась увидеть дом Калинина. Место, где он бывает собой, место, где он может позволить себе расслабиться, стены, которые пропитаны этим мужчиной. Но нет, первое разочарование настигло меня именно в момент, когда я узнала о том, что прием проходит в специальном зале, при том самом гранд-отеле, где мы когда-то ужинали с партнерами Романа.

Уютный зал для торжеств в стиле кабаре. Приятная музыка звучит фоном, фуршет с множеством закусок, официанты с шампанским, приглушенный свет, светильники в виде шаров под потолком. Все нереально, как в кино, и я в данный момент главная героиня в этом фильме. Это словно грандиозные смотрины, где каждый пытается меня оценить.

Мне не просто волнительно, мне дурно. И жарко, мурашки по коже. Туфли вновь жмут, неудобно, хочется прикрыть плечи и вообще спрятаться от десятка глаз. Стараюсь улыбаться и держать осанку, крепко держась за руку Калинина,

стискивая в ладони рукав его идеального костюма.

Гости только собираются, мы с Романом еще ни с кем не общались, просто киваем в знак приветствия, а мне уже трудно дышать.

– Выпей, – Калинин протягивает мне бокал шампанского.

– Мне бы воды, – шепчу ему в ответ.

– Выпей шампанского, оно немного тебя расслабит.

Киваю, принимая бокал. Пью: вкусно, освежает.

– Только не оставляй меня, – шепотом прошу Романа. Он поворачивает голову, всматривается мне в глаза, а потом наклоняется ближе.

– Видишь вон того мужчину в тёмно-синем костюме? – указывает глазами куда-то вправо. – Того, который сейчас вытирает лоб платком.

– Да, – шепчу ему в ответ.

– Это Петр Смольников. Депутат законодательного собрания. Недавно был большой скандал, когда местный канал раскопал его связь с дочерью водителя. С девочкой, которой едва исполнилось восемнадцать. Причем связь была принудительная. Скандал замяли, закрыв всем рты большими деньгами, шантажом и угрозами, обратив все грязной «уткой».

Смотрю на мужчину во все глаза и не верю, что депутат, на первый взгляд солидный, серьезный мужчина может... Я даже слов подобрать этому не могу. Отпиваю еще шампанского, пытаюсь переварить.

– Вон с виду милая женщина. Екатерина Акишина. Судья. Эта уважаемая особа питает слабость к молодым мальчикам и алкоголю.

– Зачем ты все это мне говоришь? – не понимаю я.

– Это я к тому, что они всего лишь люди. Со своими пороками и слабостями. Вроде бы серьезные и уважаемые люди, слуги народа, но с множеством скелетов в шкафу. Ты лучше их, чище и выше. Их оценка тебе не нужна. Будь улыбчивой, вежливой, но холодной. Если хочешь – высокомерной, но ни в коем случае не принимай их всерьез.

– Зачем тогда они все здесь? Я думала, это твои друзья.

– У меня нет друзей. Мы все играем роли и ведём выгодные для нас партии. Расслабься, Елизавета. Эту роль я отыграю за нас двоих.

Киваю и допиваю шампанское. В этот момент меня накрывает вторым разочарованием. Представляя себе помолвку, я не ожидала выгодной для Романа игры. Есть что-нибудь в этом мире настоящее?

Беру еще один бокал шампанского, занимая руки. Не пью, просто кручу бокал в руках, напиток хоть и вкусный, но напиться в мои планы не входит.

Дальше начинается вереница совершенно незнакомых мне людей. Мужчины, женщины, их жены и мужья. Есть даже знакомые лица в виде той бывшей балерины, с которой мы ужинали. Киваю, улыбаюсь, иногда смущаюсь на комплиментах. В какой-то момент волнение отступает, и все лица

расплываются. Радует только то, что роман не отпускает меня, поддерживая, ведя все беседы и отвечая на ненужные вопросы. Вечер мне напоминает сцену в иммерсивном театре: я вроде бы внутри пьесы, но не играю роли, как окружающие, а наблюдаю и восхищаюсь блистательной игрой. Но все же игрой...

Когда ритуальные приветствия и фальшивые поздравления заканчиваются, я выдыхаю.

– Потанцуем, – Роман, как всегда, не спрашивает, просто оповещает и тянет меня за руку. И я благодарю бога, что когда-то давно занималась танцами. И, наверное, не опозорюсь сейчас. – Расслабься, – Калинин подхватывает меня за талию и руку. – Я поведу, просто доверься.

Улыбаюсь, на секунду прикрывая глаза, пытаюсь отдаться его рукам, но напряжение все равно не отпускает. Музыка, мы начинаем движение, но я сбиваюсь на каждом шаге.

– Елизавета, – его горячие дыхание где-то возле моего уха вызывает мурашки. – Ты прекрасно двигаешься. Это платье безумно тебе идет, мне нравится, что оно подчёркивает твою чистоту. Забудь обо всех, просто отдайся мне, – звучит двусмысленно, и я вспыхиваю, но действительно забываю обо всех вокруг, поддаваясь мужчине.

Наш танец становится чем-то очень личным, глубоким и приятным, по крайней мере, для меня. Кажется, я чувствую только Романа. Тело никогда не было настолько чувствительно. Его рука на моей талии жжёт кожу даже через платье.

Его ладонь, сжимающая мою руку, невероятно горячая. Его близость, запах и раскованные движения пьянят похлеще шампанского. Его глаза по-прежнему стальные, холодные, но смотрят только на меня. Сама не замечаю, как наш танец подходит к концу. Подрагиваю, словно мы не танцевали, а занимались чем-то интимным.

– Спасибо, – целует мою ладонь. – Устала?

– Больше перенервничала.

– На втором этаже есть отдельная женская комната. Отдохни там немного, тебя никто не потревожит. А я переговорю с нужными людьми, – провожает меня к лестнице и отпускает.

Медленно поднимаюсь, радуясь передышке. Ноги действительно ноют. А в общем, не все так плохо, как мне казалось. Все мои глупые разочарования стерлись. Если Калинину нужен этот вечер и эти люди, пусть будут.

«Он так живет, – напоминаю я себе. – И поэтому многого добился. Законы бизнеса диктуют свои условия».

Прохожу в комнату отдыха. Мягкие диваны, пуфики, зеркала и пара дверей в уборные.

Мою руки, прислоняю их к щекам, чтобы немного остыть. Щеки горят, тело еще подрагивает от нашего танца. Глубоко дышу, рассматривая себя, поправляя платье. Прохожу в комнату с диванами, наливаю себе пластиковый стаканчик воды из кулера и сажусь, с удовольствием скидывая туфли. Такого блаженства я еще не испытывала.

Вздрагиваю, когда в комнату проходит женщина в длинном, черном платье. Стараюсь не пялиться, отворачиваясь. Роман сказал, что меня никто не побеспокоит, но это женская комната – мало ли кому захотелось отдохнуть.

– Добрый вечер, – она привлекает к себе внимание. Поворачиваюсь и сглатываю, на минуту приходя в ступор. Передо мной стоит высокая, стройная женщина с бокалом шампанского в руках. Платье в пол, с длинными рукавами и высокой талией, подвязанной шёлковой алой лентой. На ее голове черный шелковый платок в виде чалмы и длинные серьги нити. Красиво, она похожа на восточную королеву. Но пугает меня не это, а шрамы на ее щеках и скулах. Это ожоги.

– Добрый, – киваю, ругая себя за то, что пялюсь на ее недостатки. Мне вдруг становится ее жаль. Пытаюсь улыбнуться.

– Поздравляю с помолвкой, – произносит она и садится напротив меня в кресло.

– Спасибо.

Женщина ставит бокал на подлокотник, подбирает подбородок и с интересом меня рассматривает. Хмурюсь, осматривая себя, не понимая, чем вызвано такое откровенное внимание.

– Красивая. Молодая. Слишком молодая. Сколько тебе лет? – спокойно спрашивает она. Неожиданно.

– Что?

Глава 21

Елизавета

– Эм... – теряюсь, не зная, что сказать от растерянности.

Странная женщина. – Я, пожалуй, пойду, – быстро надеваю туфли и спешу на выход.

– Я жена Романа Калинина, – вдруг сообщает мне женщина, и я застываю на месте. Меня словно окатывают ледяной водой. Тело пока в шоке. – Теперь ты уделишь мне несколько минут своего времени? Сядь, пожалуйста.

Оборачиваюсь и иду назад, сажусь на диван и уже более внимательно изучаю женщину.

– Как жена? – голоса совсем нет, я хриплю.

– Уже бывшая. Не оповестил тебя Калинин? – усмехается.

Бывшая...

Да, не оповестил... обидно. Но уже не смертельно. У взрослого мужчины должно быть прошлое.

– Я Марина, – представляется она и тянет мне руку. Пожимаю прохладную ладонь, не понимая, что эта женщина от меня хочет.

– Елизавета.

– Красивое имя, тебе подходит. – Не чувствую в ее тоне злости, иронии или язвительности. – Беги от него. Прямо сейчас.

– Если ваш брак не сложился, это еще не значит... – пы-

таюсь быть выше всего этого.

– Наш брак... – усмехается она, перебивая меня. – Бумаги о нашем разводе – всего лишь формальность. Мы живём в одном доме и по сей день. Но ты права, наш брак, бракованный изначально. Беги. Пока есть такой шанс. У меня он был, и я жалею, что не воспользовалась им.

– Что? Не понимаю. Как живете в одном доме? О чем вы говорите? – в ушах начинает шуметь.

– Тихо, выпей воды. Дыши, моя хорошая, – так ласково, как мама, произносит она. Поднимается с места и запирает дверь. Мне становится не просто тревожно, я начинаю задыхаться от потока информации.

Этого не может быть.

Все не так...

Есть объяснения.

Меня же не прятали в качестве любовницы.

– Мы женаты уже десять лет. Роман Калинин бездушная машина. Ты очередная его покупка, от которой он хочет получить дивиденды, – женщина проходится по комнате, на несколько секунд задерживается возле зеркала, рассматривая себя.

– Я все равно не понимаю... Какие дивиденды, что с меня взять? – всхлипываю, стараясь не плакать. Женщина возвращается в кресло, подаётся ко мне и внимательно рассматривает, словно я диковинная вещьца.

– Может, ты и сама не против? – Молчу в ожидании про-

должения. – Знаешь, Роман Калинин очень щедрый мужчина. Материальными благами не обидит. Щедро откупится, когда придет время.

– Откупится от чего?! – повышаю голос, а самой хочется кричать, требовать, чтобы не медлила и объяснила, наконец, что происходит.

– Роману нужна показная примерная жена и ребенок. Это долгосрочный проект. Твоё примерное будущее на пять лет... Ты являешься его милым дополнением и показателем надёжности и статуса. После рожает и воспитываешь его ребенка. А потом твой ресурс исчерпывается, и тебя удаляют из своей реальности. Вот так просто, без любви и жалости.

– Зачем? – все, что могу сказать я.

– Ничего личного, Лиза, только бизнес. Ради денег и власти он погубит не одну душу. Мою уже не спасти... Беги.

– Но Валерия сказала, что... – замолкаю, потому что женщина начинает смеяться.

– Эта сука с тобой подружилась? Да? Этого стоило ожидать. Валерия его любовница. Они периодически, я бы даже сказала стабильно, сношаются. Не верь никому, моя хорошая.

У меня голова кружится от потока информации. Я словно попала в какой-то старый дешёвый сериал. Так не бывает. Мне по-прежнему ничего непонятно. Как в одном мужчине может укладываться столько расчёта? У него и так все есть, зачем ему еще такой ценой?

– Почему я должна верить вам? – холодно спрашиваю в надежде оставить Калинину шанс на оправдание. Может, это просто очень обиженная и несчастная бывшая жена.

– Быстро учишься, – усмехается Марина. Несмотря на шрамы, она выглядит хорошо, но, когда улыбается, становится не по себе. Она вынимает телефон и намеренно демонстрирует мне номер Романа. Набирает и ставит на громкую связь. Он долго не берет, и с каждым последующим гудком мое сердце ускоряет ритм, и, когда через бесконечное количество гудков Роман отвечает, оно словно обрывается.

– Да, – как всегда холодно отвечает Роман.

– Тебя можно поздравить с новой жертвой твоих амбиций? – так спокойно спрашивает Марина.

– Марина... – глубоко вдыхает в трубку. – Давай мы поговорим дома.

Дома... у них есть общий дом. Зажимаю рот рукой, чтобы не выдать себя.

– Почему я узнаю о твоей помолвке от посторонних людей? Я бы хотела тебя поздравить.

– Я посчитал, что тебе это неинтересно. Ты ведь не любишь фарсы.

– То есть твоя помолвка – очередная прихоть твоих амбиций?

– Можешь называть это как угодно, я живу по расчёту.

– Девочку пожалей, – женщина понижает голос.

– Обсудим дома, – настойчиво произносит он, ничего не

отрицая.

Мне уже достаточно. Мне даже много, через край. Но его жена, видимо, решает добить:

– Любовнице привет. И передай, что это бордовое платье ей не идет, – насмешливо кидает она. И это Роман тоже не отрицает.

– Ты здесь? – впервые слышу в его голосе столько раздражения. Эта женщина выводит Калинина на настоящие эмоции. – Где ты?

– Я сама тебя найду, – отвечает Марина и скидывает звонок. Ничего не могу сказать, поток слез застилает глаза. Ком в горле мешает говорить. Да и не хочу я разговаривать.

Дура.

Боже, какая дура.

По поведению Калинина было все понятно с самого начала. Но сквозь мои розовые очки я этого не хотела замечать. Он не оставлял мне шансов.

– Здесь есть дверь на технический этаж, который ведет к чёрному выходу. Я вызову тебе такси. Беги. Я задержу Романа. Иначе он больше не даст тебе такого шанса.

– Жена, любовница... почему я... – несвязно спрашиваю я. – Почему не вы?! – завожусь в истерике.

– Роман Константинович у нас эстет, – иронизирует Марина. – Он любит, когда все сыграно идеально. Мы, к сожалению, на главные роли в его пьесе не подходим. Я уже не могу ему ничего дать. Он все сломал. А Валерия... Валерию

он ценит только как дрессированную овчарку и удовлетворяет с ней естественные потребности. Общество, мнение которого для него сейчас важно, оценит только такую, как ты. Его репутация очень сильно подорвана мной. И он пытается все замазать твоей чистотой, потому что...

– Хватит! – прерываю ее, соскакиваю с места, пытаюсь глубоко вдохнуть. Но внутри все сжимается, сдавливая грудь. Есть что-то человеческое в этом мужчине? Он словно бездушное животное. Хотя даже у зверей есть хоть кое-то сострадание.

– Налички у меня с собой мало. Все деньги на картах, которые принадлежат Калинину. Снимешь деньги – сразу за светишься, – она забирает телефон и пластиковые карты и отдает сумку мне. – Там хватит на дорогу домой. Никуда не езжай, никому не звони. Не суйся в аэропорт и железнодорожный вокзал. Только автобусы. Я не смогу его долго сдерживать. Постарайся скрыться. Может, у тебя получится, – как-то обреченно говорит она мне, словно не верит, что получится. Но я уже не могу анализировать. Я хочу вырваться на свободу и глотнуть свежего воздуха, иначе меня разорвет от внутренней боли.

***

Прохожу в здание автовокзала и бегу к кассам, ничего не замечая на своем пути. Очередь. Останавливаюсь, оглядываюсь, дышу. Холодно. Обнимаю себя руками. Рядом стоящая женщина с огромной клетчатой сумкой внаглую рассматри-

вает меня, даже не думая отвести взгляд. А посмотреть есть на что – я словно инородный предмет в этом здании. На мне жутко неудобное платье, которое сдавливает грудь, немного порванное по шву на разрезе. Одергиваю его, пытаюсь прикрыть ноги. Жутко неудобные туфли заляпаны грязью, прическа растрепалась, косметика размазана, оттого что я пыталась избавиться от застилающих глаза слез. Да и, в общем, одетая не по погоде. Осень. Но я об этом не думала, когда бежала от дьявола, который решил, что я его игрушка, кукла, с которой можно играть в недетские игры.

Отворачиваюсь, хочется слиться с серой стеной, хочется провалиться сквозь землю, хочется, наконец, проснуться и понять, что весь этот кошмар – неправда. Но реальность жестока.

– Девушка! – меня окрикивает грубый женский голос. Прихожу в себя и только тогда понимаю, что подошла моя очередь.

– Мне билет на ближайший рейс до Обнинска.

– На пять утра есть.

– На пять? – я не могу провести на вокзале еще семь часов.

– Ну извините, автобусы не ходят по вашему желанию, – фыркает женщина. – Билет будете брать? – Киваю, вынимая из сумочки деньги. Руки дрожат, мятые купюры рассыпаются на пол вместе с мелочью, какой-то мужчина из очереди кидается мне помогать, впихивая деньги мне в руки.

– Спасибо, – благодарю, а сама замечаю, как он пялится

на мои ноги в чулках в разъехавшемся разрезе платья. Глаза у него сальные, похотливые – противно. Нет в нашей реальности добрых и бескорыстных людей. А раньше мне, дура, казалось, что есть. Но розовые очки разбились вдребезги на мелкие осколки, разъедая глаза. Мужчина прячет одну из купюр себе в карман, думая, что я не замечаю. Бог с ним, пусть берет, лишь бы отошел от меня подальше.

– Дайте мне, пожалуйста, билет, – высыпаю кассирше деньги.

– Паспорт? – спрашивает она.

– У меня нет... – сглатываю. – То есть я забыла. Я думала, на автобус не нужно.

– На межгород нужно. Без паспорта не продам билет.

– Женщина, ну, может, можно как-то... – никогда этого не делала, мне всегда было стыдно давать взятки. А сейчас уже все равно. Хуже не будет. Мне нужно срочно вырваться домой, пока он меня не нашел. Если поймают, то вернуться назад больше шанса уже не будет.

– Ну что вы, девушка... уберите! – категорично отмахивается женщина, посматривая куда-то вверх. Камера.

– Не берёте билет, так отойдите, – отпихивает меня какая-то бабушка. Отхожу, в растерянности сажусь на лавочку, запихивая деньги назад в сумку. Зависаю, рассматривая серую стену. Без паспорта меня нигде не возьмут. Была надежда только на автобус. Вернуться за документами не могу – думаю, меня уже ищут. Я вообще не могу появиться на

улице. Накрывает паникой от беспомощности.

Мамочка.

Страшно.

Холодно.

И противно от самой себя.

Боже, какая я дура.

Как не заметила в этом мужчине безжалостного, расчетливого зверя? Ах да, меня, дуру, это и покорило, только я предпочитала называть то чувство, другими словами. Думала, что вылечу его любовью... А он ведь даже не скрывал своих намерений.

– Девушка! Девушка! – прихожу в себя и вижу перед собой кассиршу с сигаретами в руках. Моргаю. – Пошли покурим, – как подруге предлагает она мне.

– Я не курю, – отворачиваюсь.

– Пошли-пошли, – тянет меня за руку. Соппротивляюсь, пытаюсь вырваться. – Да пошли ты, дура, я помогу тебе, – шепчет мне. Подхватываю сумку и бегу за ней.

Место для курения рядом с туалетом. Здесь пахнет мочой, и еще холоднее. Меня знобит, зуб на зуб не попадает. Определенно, заболею. Но это потом... Это можно пережить...

– Деньги давай, – просит женщина. Выгибаю брови. Я хоть и в отчаянье, но не могу потерять последние деньги. Маме звонить не буду, ее сердце не выдержит правды. – Я посажу тебя на автобус, договорюсь с водителем.

– Правда? А меня не высадят?

– Не высадят, – отмахивается она. Сомневаюсь. Молчу. Но других вариантов нет. – Да не ссы ты. Не первая такая. Я честно работаю.

Да уж, честно мимо кассы.

Вынимаю из сумки деньги и протягиваю ей. Забирает, пересчитывает и прячет во внутренний карман.

– В общем так, как объявят твой рейс, иди к месту посадки, я тебя посажу.

– Хорошо, спасибо, – киваю, смотря, как она тушит сигарету о край урны и выкидывает окурочек.

Женщина уходит. А я оглядываюсь. Недалеко пара круглосуточных магазинов. Покупаю в одном из них спортивный костюм. Самый дешёвый, китайский, от которого пахнет краской, и кроссовки. Но мне все равно. Накидываю капюшон, немного согреваясь. Беру в аппарате стаканчик горячего кофе, пью. Невкусно. Как быстро я привыкла к хорошему и стала ценить качественные напитки. Это он меня приучил, приучил и только потом показал истинное лицо.

Ненавижу. Так же люто, как боюсь.

Обнимаю, прижимаю к себе сумку, устраиваясь удобно в зале ожидания. Еще долго. Но выхода у меня нет. Возможно, это единственное место, где меня не будут искать. Натягиваю капюшон толстовки пониже. Жду. Через полчаса ожидания паника отступает, и накатывает усталость. Спать нельзя. Да и страшно мне здесь засыпать. Выплюсь в автобусе. Но тело не слушается, и я начинаю клевать носом.

Оставшееся время проходит мучительно. Выключаюсь, но каждые несколько минут вздрагиваю, прижимая к себе сумку. Оглядываюсь. Я боюсь не окружающих, а того, что за мной придут.

Тело ватное, голова пульсирует от боли, и першит в горле. Нос закладывает, мышцы тянет. Я все-таки заболеваю. Но это не страшно. Это можно пережить.

Наконец, объявляют мой рейс, и я иду на платформу. Накрывает паникой, когда люди заполняют салон, а кассирши, которая обещала меня посадить, нет. Кидаюсь в здание, но выдыхаю, когда женщина появляется.

Только когда мы выезжаем из города, я позволяю себе окончательно расслабиться и уснуть. Мне снится Калинин. Он злится. Нет, просто в ярости. Смотрит на меня сверху вниз, прожигая стальным взглядом. Он ничего не говорит. Мне достаточно лишь взгляда, надменного выражения лица, чтобы превратиться в маленькую, никчёмную мышку.

Просыпаюсь от того, что меня кидает вперед от резкого торможения автобуса. Моргаю, не понимая, что происходит. Водитель ругается матом, пассажиры смотрят в окна.

Вжимаюсь в кресло, когда понимаю, что это за мной.

В автобус входят двое мужчин. Узнаю одного из них. Мирон. Начальник безопасности Романа. Нет, это его тень. Все важные дела решает он. Натягиваю капюшон и отворачиваюсь к окну, когда понимаю, что мужчины меня не замечают. Водитель ругается, но ему быстро закрывают рот. Какая-то

бабуля начинает возмущаться незапланированной остановке, но никто не обращает на нее внимания.

Чем ближе ко мне Мирон, тем сильнее колотится мое сердце. Нет ни единого шанса, что меня не узнают. Этот ищейка учует меня по запаху.

Мамочки.

Зажмуриваясь, когда он подходит совсем рядом, рассматривает пассажиров. Мне осталось надеяться только на чудо. Но чудес не бывает. С меня сдергивают капюшон, и сердце вообще прекращает биться. На секунды мы замираем. Сглатываю.

– Елизавета Сергеевна, – мужчина протягивает мне руку. А я не могу сдвинуться с места. – Поверьте, я не хочу быть грубым. Не вынуждайте. Был дан приказ найти и привезти вас домой любой ценой. Давайте сделаем это безболезненно.

Конец первой книги.

Диалогия. "Отпусти"

1) Отпусти меня

2) Отпусти меня 2